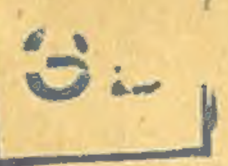

M 69
167

Доброму старому другу К. Т. Солдатенкову от его Котлярев.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ,

сочиненіе И. Е. Забѣлина.

Т. 1 и 2, М. 1876–79.

Критическая оцѣнка

А. Котляревскаго.

Кіевъ.
Въ университетской типографіи (І. Завадскаго).
1881.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ,

сочиненіе И. Е. Забѣлина.

Т. I и 2, М. 1876—79.

Критическая оцѣнка

А. Котляревскаго.

Кіевъ.
Въ университетской типографіи (I. Завадскаго).
1881.

(Отдѣльно отпечатано изъ Университетскихъ Извѣстій 1880 года, Ноябрь стр. 405—436 и Декабрь стр. 459—493, въ числѣ 66 экземпляровъ).

И. Забѣлина: „Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. М. 1876—79, ч. I—II, 8°, с. XII + 647; + 520.

Потребность оживить бытовыми подробностями иногда черезъ-чуръ скупыя страницы исторической науки—чувствовалась съ весьма давняго времени. Еще въ началѣ нынѣшнаго столѣтія извѣстный польскій ученый Лавр. Суровецкій указывалъ на необходимость и „Способы дополнить исторію Славянъ" матеріаломъ нѣкоторыхъ новыхъ или же дотолѣ пренебрегаемыхъ источниковъ, въ особенности—данными быта, преданій, религіи и вещественныхъ памятниковъ [1]). Съ той поры объявились и утвердились въ наукѣ и иные новые способы, новыя средства къ тому, а вмѣстѣ съ тѣмъ усовершились и самые пріемы изслѣдованія. Но трудности ли и широкій объемъ задачи, или иныя какія причины, только изысканія въ области исторіи быта и образованности древнихъ Славянъ вообще и русскихъ въ частности—идутъ медленно, медленнѣе чѣмъ можно было ожидать, судя по интересу предмета, по энергіи и талантамъ ученой изслѣдовательности. Недостаетъ еще удовлетворительнаго отвѣта не только на вопросы второстепенной важности, но иногда и на самые существенные, основные; недостаетъ необходимѣйшихъ предварительныхъ разысканій, а нерѣдко даже—и самаго подбора матеріала. Всѣ эти обстоятельства: высокая

---

[1]) Rozprawa o sposobach dopełnienia historyi i znajomości dawnych Sławian, перепеч. въ собраніи Туровскаго: „Dzieła Waw. Surowieckiego, къ 1861, p. I 496—519.

важность и интересъ предмета—съ одной стороны, трудности и недостаточность его обработки—съ другой,—необходимо должны быть приняты во вниманіе при критическомъ обсужденіи трудовъ, посвященныхъ изслѣдованію исторіи древняго русскаго быта и образованности. Строгая требовательность, умѣстная и законная въ наукахъ, достигшихъ значительной степени совершенства, оказалась бы мало справедливою здѣсь, гдѣ нѣтъ еще и самаго необходимаго, гдѣ изслѣдователь долженъ брать каждый шагъ съ боя, почти до всего добиваться личнымъ трудомъ, гдѣ всякаго рода пробѣлы и недостатки—неизбѣжны, какъ историческое слѣдствіе молодости науки. При такомъ положеніи, критика, естественно—обязана болѣе цѣнить, указывать и разсматривать сильныя, чѣмъ обличать слабыя стороны изслѣдованія; покрайней мѣрѣ—ей предстоитъ отмѣчать послѣднія болѣе въ смыслѣ памятной замѣтки для будущаго, чѣмъ въ смыслѣ указаній личной оступи или ошибокъ изслѣдователя.

Руководясь такимъ воззрѣніемъ приступаю къ разсмотрѣнію сочиненія г. Забѣлина.

Онъ предпринялъ написать „Исторію русской жизни съ древнѣйшихъ временъ.“

Первый томъ составляетъ вводную часть къ этому труду. Въ отличіе отъ другихъ однородныхъ сочиненій авторъ опредѣляетъ свою задачу слѣдующимъ образомъ: „Жизнь народа, говоритъ онъ, въ „своемъ постепенномъ развитіи всегда и неизмѣнно руководится своими „идеями, которыя даютъ народному тѣлу извѣстный образъ и извѣстное устройство. Разработка исторіи стремится найдти такія идеи „въ общей жизни народа, въ его политическомъ или государ„ственномъ и общественномъ устройствѣ. Но мелочной повсе„дневный частный битъ точно также всегда складывается въ извѣст„ные круги, необходимо имѣющіе свои средоточія, которыя иначе мо„жно также именовать идеями. Если подобные мелкіе круги народнаго „быта не могутъ составлять предмета исторіи въ собственномъ смы„слѣ, то для исторіи народной жизни они суть прямое и необходимое „ея содержаніе. Раскрыть эти частныя мелкія жизненныя идеи—вотъ „по нашему мнѣнію прямая задача для изслѣдователя народной жизни.“

Такимъ образомъ, и въ этомъ новомъ рядѣ своихъ изслѣдованій авторъ предположилъ держаться того-же бытоваго направленія, которое съ такимъ талантомъ и знаніемъ раскрыто имъ въ предыдущихъ тру-

дахъ („Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ,“ 2 т.; „Опыты изученія русскихъ древностей и исторій,“ 2 т. и проч.).

Главный матеріалъ, которымъ по мысли г. Забѣлина можетъ быть оживлена русская доисторическая древность—это „Древности могилъ или кургановъ.“ „Разсыпанныя по нашей землѣ, могилы, по его мнѣнію, „скрываютъ въ себѣ истинную, настоящую колыбель нашей народной „жизни.“ Но, высказавъ такую мысль—авторъ немедленно ограничиваетъ практическое ея примѣненіе: „эти памятники—продолжаетъ онъ „такъ разнообразны и разнородны и относятся къ столькимъ вѣкамъ „и племенамъ, что сколько нибудь разсудительная обработка ихъ не „можетъ и начаться до тѣхъ поръ, пока не будутъ собраны и сведены „въ одно цѣлое именно письменныя свидѣтельства объ этихъ же самыхъ курганахъ, т. е. о той глубокой древности, когда эти курганы „еще только сооружались. Какимъ образомъ мы станемъ объяснять „курганныя древности, когда вовсе не знаемъ, или знаемъ очень по„верхностно и невѣрно письменную исторію нашей колыбели? Есте„ственное дѣло, что прежде всего необходимо выслушать всѣ разска„зы, какія оставили намъ о нашей колыбели античные Греки и писа„тели Римскаго и Византійскаго вѣка. Это—заключаетъ авторъ—от„кроетъ намъ глаза, способные съ большимъ вниманіемъ видѣть и цѣ„нить нѣмые памятники нашей колыбели; это же откроетъ новыя двери „и къ разъясненію не только древнѣйшей нашей исторіи, но и мно„гихъ позднихъ ея явленій и обстоятельствъ.“ Посему и въ дальнѣйшемъ изложеніи „Исторіи русской жизни“ нашъ авторъ воспользовался этимъ новымъ матерьяломъ „нѣмыхъ памятниковъ“ только по отношенію къ такъ называемымъ „скиѳскимъ“ и „мерянскимъ могиламъ.“ Матерьялъ могилъ инаго происхожденія, варварскихъ, славянскихъ и русскихъ или, пока—оставленъ безъ всякаго употребленія.... Думаемъ —напрасно, и къ ущербу интересовъ исторической науки! Остановимся нѣсколько подробнѣе на семъ любопытномъ и важномъ предметѣ. Если употребленію матерьяла могилъ въ смыслѣ историческаго источника препятствуетъ отсутствіе собранія и свода свидѣтельствъ древнихъ писателей о судьбахъ русской земли и насельниковъ ея,—то такую помѣху можно было бы назвать почти что несуществующею, ибо такая работа въ главныхъ частяхъ уже исполнена: старые, но все еще многополезные сборники графа Яна Потоцкаго, Стриттера; труды Неймана, Укерта, Ганзена, Эйхвальда, Доммериха, Вивьена Санъ-Мар-

тена, Дифенбаха, Куно, Бреннера, Френа, Шармуа, Дефре́мри и Гаркави [2])—исчерпываютъ предметъ если и не до послѣдней іоты въ мелочахъ, то въ главномъ—съ полнотой и обстоятельностью.... Иное дѣло критика и экзегезъ сихъ свидѣтельствъ: имъ, конечно—открыто еще обширное поле; но вѣдь, такая работа никогда не окончится.... Гораздо важнѣе неопредѣленность характера самихъ вещественныхъ памятниковъ, отсутствіе въ нихъ этнографическихъ и хронологическихъ помѣтъ: эти обстоятельства, дѣйствительно, препятствуютъ точному и рѣшительному употребленію могильныхъ древностей въ смыслѣ историческаго источника, но пользованіе послѣднимъ

---

[2]) C. J. Potocki: Chroniques, Mémoires et Recherches pour servir a l'histoire de tous les peuples slaves.... Vars. 1793; Его-же: Fragménts historiques et géographiques sur la Scythie, la Sarmatie et les Slaves.... Br. 1796, 4 vol.; Stritter: Memoriae populorum etc.... Spb. 4 т. (Slavica помѣщ. во II т. 1774); русское извлеченіе (Свѣтова): „Извѣстія византійскихъ историковъ, объясняющія Россійскую исторію и т. д. Спб. 1870—65, 4 ч., Neumann: Die Völker des südlichen Russlands, L. 1855; Ukert: Skythien und das Land der Geten oder Daker (III, 2 Ab. d. Geogr.) W. 1846; Hansen: Ost-Europa nach Herodot, D. 1844; Eichwald: Alte Geographie des Kaspischen Meeres, des Kaukasus und des südlichen Russlands, B. 1838; Dommerich: Die Nachrichten Strabo's über die zum.... deutschen Bunde gehörenden Länder, Mar. 1848; Vivient de Saint-Martin: Études de Géographie ancienne et d'ethnographie asiatique. P. 1850—2, 2 v., Diefenbach: Origines Europaeae. Die alten Völker Europas, D. 1861; Cuno: Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde, B. 1871; Brenner: Nord und Mitteleuropa in den Schriften der Alten, M. 1877; Frähn: Ibn—Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen' Spb. 1823; Charmoy: Rélation de Masoudy et d'autres auteurs Musulmans sur les anciens Slaves (Mem. d. L'Ar. VI s. II, p. 297 sq.); Defrémery: Fragments de Géographes et d'historiens arabes et persans inédits relatifs aux anciens peuples de Caucase et de la Russie méridionale P. 1849; Гаркави: Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ, Спб. 1870 и нѣкоторые частные труды г. Хвольсона, Куника и др.

въ смыслѣ вспомогательнаго пособія вполнѣ возможно и законно. Далѣе. Нельзя, конечно, отрицать важности письменныхъ свидѣтельствъ для разбора могильныхъ древностей, но ставить обработку послѣднихъ въ полную зависимость отъ первыхъ, такъ, что будто бы она „не можетъ и начаться до тѣхъ поръ, пока не будутъ собраны и сведены въ одно цѣлое именно письменныя свидѣтельства о той глубокой древности, когда эти курганы еще только сооружались"—будетъ преувеличеніемъ: классификаціи матерьяла могилъ и сравнительныя разысканія о немъ можно производить и помимо этого.... Покрайней мѣрѣ—для разбора и объясненія могилъ историческія свидѣтельства столь же важны, какъ и наоборотъ,—могилы—для объясненія историческихъ свидѣтельствъ.... Словомъ изслѣдованіе того и другаго можетъ и должно итти одновременно.

Способъ изложенія автора общедоступный. По его собственному заявленію онъ, не имѣлъ ни силъ, ни возможности входить въ особыя ученыя изслѣдованія по спеціальнымъ вопросамъ предмета, а въ краткихъ очеркахъ стремился только обозначить наиболѣе существенныя стороны русской жизни, главнѣйшіе корни и истоки русскаго развитія, политическаго общественнаго и домашняго, въ его существенныхъ формахъ и направленіяхъ, съ раскрытіемъ его умственныхъ и нравственныхъ стремленій и бытовыхъ порядковъ. Потому всѣ частныя изслѣдованія автора по различнымъ историческимъ вопросамъ—не видны, онъ предлагаетъ только результаты ихъ въ видѣ догматическаго изложенія, почти всегда обнаженнаго отъ ученыхъ оправдательныхъ статей и ссылокъ, а нерѣдко даже и вообще отъ доказательствъ.

Въ какомъ отношеніи стоитъ трудъ г. Забѣлина къ трудамъ предшествовавшимъ—опредѣлится въ послѣдствіи; но здѣсь, въ предупрежденіе и ослабленіе, быть можетъ, излишне строгихъ въ этомъ смыслѣ требованій, я нахожу нужнымъ указать на другое, скромное—заявленіе автора, что въ области „до историческихъ изслѣдованій авторъ неуспѣлъ, да и немогъ воспользоваться многимъ, что даже прямо относилось къ его задачамъ."

Первый томъ труда г. Забѣлина раздѣляется на пять отдѣловъ, и сверхъ этого—заключаетъ въ себѣ нѣсколько „Приложеній." Я разсмотрю каждую статью особо.

Первая глава разсматриваетъ „Природу русской страны" и

ея вліянія на бытъ насельниковъ. Сначала авторъ излагаетъ полуутопическія, полудѣйствительныя понятія о ней Древнихъ, указываетъ на физическое отличіе ея отъ прочей Европы и происходящія отсюда отличія въ образѣ жизни обитателей ихъ, дѣлаетъ характеристику равниннаго ландшафта или „русскаго вида,“ его такъ сказать образовательнаго или воспитательнаго вліянія на чувство и направленіе дѣятельности народа, говоритъ о подобномъ же дѣйствіи мороза, вліяніи лѣсной и полевой природы на бытъ человѣка, отчего возникли особыя формы соціальной жизни и особый характеръ нѣкоторыхъ племенъ; наконецъ,—изображаетъ пути—дороги, связывавшія русскую территорію съ инородными странами и части ея между собою, причемъ распространяется объ историческихъ слѣдствіяхъ сихъ связей.

Попытки опредѣлить природный, естественно-историческій элементъ русской исторической жизни, т. е. ту сторону ея и тѣ начала, которыя произошли отъ вліянія природныхъ условій—въ русской наукѣ уже существуютъ, но онѣ имѣютъ если не случайный, то какой-то отрывочный, неполный характеръ: нѣкоторыя стороны вліянія природы и ея условій на исторію указаны и объяснены—иногда очень мѣтко; другія только намѣчены, но полнаго, обнимающаго предметъ со всѣхъ сторонъ изслѣдованія, пока—нѣтъ. Не могутъ имѣть, конечно, притязанія на такую полноту изложенія предмета—и спеціально посвященныя ему страницы книги г. Забѣлина; но это обстоятельство не умаляетъ ни интереса, ни значенія ихъ: къ запасу наблюденій, сдѣланныхъ уже прежде историками и географами нашъ авторъ съумѣлъ прибавить столь много новыхъ, если так. обр. можно выразиться „созерцаній,“ съумѣлъ взглянуть на предметъ съ такой живой, никѣмъ изъ изъ историковъ дотолѣ не тронутой, интуитивно поэтической стороны и въ тоже время удержаться въ предѣлахъ трезваго ученаго изложенія, что я неколеблюсь отнести эту главу книги его къ числу замѣчательнѣйшихъ страницъ современной русской литературы, какъ въ чисто литературномъ, такъ и въ научномъ отношеніи. Мѣткость наблюденій и живость образовъ въ полной мѣрѣ вознаграждаютъ за отсутствіе фактическихъ подробностей. Я буду еще имѣть случай указать на то, чѣмъ на мой взглядъ—слѣдовало бы пополнить эти превосходныя, но нѣсколько отрывочныя страницы; теперь же предложу нѣкоторыя замѣчанія на отдѣльныя мѣста книги.

Идеализація Гипербореевъ, ихъ образа жизни и нравовъ, какую

находимъ мы у многихъ классическихъ писателей; философовъ, ораторовъ, поэтовъ и т. д.—вызвала со стороны автора лишь нѣсколько строкъ, имѣющихъ характеръ „общаго мѣста.“ А между тѣмъ, это—одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ русской историко-этнографической науки: идеальныя картины быта и нравовъ Гипербореевъ, въ особенности „чистоты и справедливости“ ихъ жизни—въ произведеніяхъ греческихъ и римскихъ писателей содержитъ въ себѣ ключь къ разгадкѣ и къ правильному пониманію многихъ свѣдѣній древности о странахъ, лежавшихъ къ сѣверу отъ Чернаго моря, ибо только принявъ къ свѣдѣнію эту идеализацію, наука будетъ въ состояніи отдѣлить „поэзію“ отъ „дѣйствительности“ не только въ историко-этнографическихъ свѣдѣніяхъ древности, но и въ гораздо болѣе позднѣйшихъ извѣстіяхъ среднихъ вѣковъ, унаслѣдовавшихъ столь многое отъ классической старины. Указываю на это обстоятельство не въ упрекъ труду г. Забѣлина, который для своей цѣли могъ ограничиться общимъ отзывомъ, а только по поводу его, и не могу не высказать желанія, чтобы этотъ интересный предметъ нашелъ себѣ обстоятельнаго изслѣдователя. Начало такого труда сдѣлано еще Укертомъ въ его „Skythien und das Land der Geten,“ а недавно Riese представилъ цѣлый обстоятельный мемуаръ объ этомъ предметѣ подъ заглавіемъ: „Die Idealisirung der Naturvölker der Nordens in der griechischen und römischen Literatur,“ Heid. 1875. Здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ разсмотрѣны представленія о сѣверныхъ обитателяхъ, находящіяся въ гомерическихъ поемахъ, у Гезіода, Есхила, Пиндара, Гелланика, Геродота, Ктезія, Еѳора, Анѳипата, Посидонія, такъ назв. Скимноса, Саллустія, Горація, Вергилія, Юстина, Страбона, Помп. Мелы, Лукана, Сенеки, Тацита.

Ничего не утратило, а скорѣе выиграло бы въ научномъ достоинствѣ—изложеніе автора, если-бы онъ не увлекся искушеніями „гадательныхъ этимологій.“ Конечно, большой бѣды еще нѣтъ, когда онъ приводитъ старое объясненіе греческаго Βορυσθένης'α славянской Березиной; но когда онъ говоритъ, что имя Ростовъ показываетъ большое родство съ Днѣпровскою Росью и ея притокомъ Ростовицей, когда отсюда заключаетъ, что самое имя Рось, Роса въ древнее время тоже произносилось какъ Ростъ, когда поэтому допускаетъ законность предположенія, что Ростовъ Приволжскій получилъ еще начало въ то время, когда по всей (!?) нашей странѣ господствовало имя Роксоланъ, которые, если хаживали на самихъ Римлянъ за Дунай, то очень

могли ходить и на Сѣверъ къ Ростовской Волгѣ,—тогда „этимологизированье" становится не безъопаснымъ, ибо за нимъ, какъ слѣдствіе, въ науку вносится рядъ призрачныхъ или просто небывалыхъ данныхъ. Далѣе я укажу еще нѣсколько подобныхъ, а отчасти и горшихъ примѣровъ „этимологическаго" увлеченія автора.

Къ необоснованнымъ и недоказаннымъ утвержденіямъ автора принадлежитъ и то, что подъ именемъ „бродниковъ" нашихъ лѣтописей —онъ разумѣетъ особую дружину удальцевъ, не принадлежавшихъ ни къ земледѣльцамъ, ни къ кочевникамъ, а составлявшихъ особый народъ, даже безъ названія (19—20). Какъ догадка – мнѣніе оригинально и остроумно, но доказать его, пока—нечѣмъ. Совсѣмъ должно быть отвергнуто мнѣніе автора, что въ существѣ природы южнаго человѣка нѣтъ быстраго соображенія и пониманія, а преобладаетъ неповоротливость, медлительность не только въ поступкахъ и дѣйствіяхъ, но даже въ мысляхъ и понятіяхъ. Мнѣ сдается, что, не говоря о всемъ прочемъ—одно простое припоминаніе характера и движенія событій кіевскаго періода русской исторіи—могло бы удержать автора отъ такого внѣшняго—и, нескрою, страннаго заключенія. Наружность часто обманчива, и дѣлать по ней заключенія о народномъ характерѣ—нельзя, или не должно—безъ справокъ съ исторіей, бытомъ и плодами умственной и нравственной дѣятельности народа. Если житель русскаго Юга, подъ вліяніемъ „мягкой, доброй и нѣжной природы" впадалъ въ апатію, умственную и физическую неповоротливость, то что же, кромѣ полной нравственной и физической распущенности и марасма должно было бы ожидать и встрѣтить у тѣхъ народовъ, гдѣ природа несравненно болѣе „мягка, добра и нѣжна," какъ природа Европейскаго Юга: Греціи и Италіи?! И, однако..

Вторая глава посвящена разсмотрѣнію стараго вопроса „о происхожденіи русскаго имени." Сначала излагается исторія вопроса, пересматриваются мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ „славянской школы," потомъ очень пространно—мнѣніе „школы норманнской": Байера, Миллера, Шлецера и другихъ нѣмецкихъ и русскихъ послѣдователей ихъ. Рѣзкими чертами опредѣляетъ авторъ общее направленіе трудовъ „Норманнистовъ": по его мнѣнію они представляютъ основныя начала русской исторіи и историческія свойства русской народности лишь въ одномъ отрицательномъ смыслѣ: норманнская теорія „отрицаетъ всякое значеніе для древнѣйшей русской исторіи свидѣтельствъ грече-

„ской и римской древности;—отрицаетъ старобытность русскаго пле„мени и имени;—отрицаетъ варяжество балтійскихъ Славянъ, т. е. от„нимаетъ у нихъ всѣ тѣ народныя свойства и качества, которыя при„надлежатъ имъ, какъ предпріимчивымъ и воинственнымъ, наравнѣ съ „Скандинавами,—отрицаетъ у старобытнаго русскаго Славянства пред„пріимчивость торговую, мореплавательную, воинственную и т. д.,— „отрицаетъ всѣ тѣ простыя и естественныя качества народной жизни, „которыя создаются самою природою страны, создаются простыми „естественными условіями мѣстожительства.“ Накопецъ—по словамъ „автора—самыя даже фантасмагоріи нѣмецкаго ученія о скандинавствѣ „Руси наполняются взглядами и мечтами только о совершенномъ ис„торическомъ ничтожествѣ русскаго племени, наполняются одними „только отрицаніями его обыкновенной природы, человѣческой и исто„рической и все только для того, чтобы поставить на видномъ мѣстѣ „въ началѣ нашей исторіи—однихъ Норманновъ.“ Вся первая половина этой главы труда г. Забѣлина есть не иное что, какъ полемическій комментарій, доказывающій и развивающій вышеприведенныя общія положенія. Вторая половина ея—представляетъ уже „рѣшеніе“ вопроса, которое авторъ выдаетъ только за „правдоподобное вѣроятіе“: Варяги первоначальной лѣтописи—суть, по его мнѣнію—балтійскіе Славяне, Варяги же Русь были древніе Ругіи, получившіе имя отъ острова Ругена, въ смыслѣ Руга-Рога Славянской прибалтійской земли. Очевидно—это есть возобновленіе старой, поморско-балтійской теоріи происхожденія Руси, въ первый разъ, если не ошибаемся—развитой В. К. Тредьяковскимъ въ его „Трехъ разсужденіяхъ о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ Россійскихъ,“ Спб. 1773, стр. 198—275 („Разсужденіе о Варягахъ Русскихъ, славянскаго званія, рода и языка“). И замѣчательно, что г. Забѣлинъ сходится съ Тредьяковскимъ не только въ окончательныхъ заключеніяхъ, что Варяги—Русы были „Ругі померанскіхъ, а всеобщимъ именемъ Славяне,“ что Варяги „есть имя глагольное, происходящее отъ Славянскаго глагола в а р я ю, значущаго п р е д в а р я ю,“ т. е. п р е д в а р и т е л и; но и вообще въ патріотическомъ воодушевленіи изыскательности.

Останавливаясь на оцѣнкѣ этой главы сочиненія, не могу напередъ не высказать, что желаніе разрѣшить варяжскій вопросъ вполнѣ умѣстно въ трудѣ, посвященномъ исторіи русской жизни, что нѣкоторыя мысли, историческія догадки и утвержденія автора заслуживаютъ

полнаго вниманія и признанія со стороны науки, что наконецъ—многія изъ указанныхъ ими излишествъ и увлеченій норманнской теоріи указаны вѣрно; но все же многія причины не дозволяютъ признать варяжскую главу изслѣдованій автора вполнѣ удовлетворительною. Даже не требуя отъ автора болѣе того, что онъ самъ дать желаетъ („Вовсе не обладая необходимою ученостью—говоритъ авторъ для разслѣдованія этого вопроса со стороны подлинныхъ свидѣтельствъ и всякаго рода непосредственныхъ источниковъ, мы по самой задачѣ нашего труда можемъ только представить общій, наиболѣе для насъ вѣроятный выводъ изъ всего того, что въ разное время было говорено объ этомъ предметѣ въ русской исторической изслѣдовательности" стр. 43—4), нельзя не признать, что первая половина его изслѣдованія (стр. 37—132) гораздо болѣе приближается къ историческому манифесту, чѣмъ къ спокойному изложенію историческаго изслѣдованія: патріотически полемическое направленіе высказывается чуть ли не на каждой страницѣ, и нельзя сказать, чтобы вездѣ на пользу, а не во вредъ исторической истинѣ и справедливости, къ достоинству, а не къ недостаткамъ сочиненія. Тотъ, кто составитъ себѣ понятіе объ историческихъ трудахъ норманнской школы только по характеристикамъ г. Забѣлина, —составитъ себѣ о нихъ въ значительной степени пристрастное и не справедливое понятіе, и придетъ, пожалуй, къ убѣжденію, что всѣ ихъ заслуги сводятся къ большей или меньшей степени вреда для русской науки. Нельзя полагать, чтобы таковы были убѣжденія столь опытнаго знатока русской исторіи, какъ г. Забѣлинъ, но къ нимъ невольно приводитъ его патріотическая полемика. Спору нѣтъ, что нѣкоторые нѣмецкіе изслѣдователи могли исходить отъ пристрастной и нелѣпой мысли о ничтожествѣ русскаго бытія; но неподлежитъ сомнѣнію, что большинство изъ нихъ разсматривало варяжскій вопросъ только съ точки зрѣнія науки и ея интересовъ, безъ заднихъ мыслей „отрицанія," безъ презрительнаго недовѣрія къ русской народности, а многіе даже съ положительнымъ убѣжденіемъ въ ея силу и историческое достоинство. Вообще говоря, устранивъ изъ норманнской теоріи два три задорныя и нелѣпыя заключенія Шлецера, нынѣ никѣмъ не раздѣляемыя, и крайнія увлеченія пок. Погодина (а онъ ли сомнѣвался въ духовныхъ силахъ русской народности?!), она не представитъ ничего предосудительнаго, развѣ только въ чисто ученомъ отношеніи. Но ученая полемика идетъ иной дорогой, чѣмъ та, по которой ведетъ ее

нашъ авторъ и дѣйствуетъ инымъ образъ. Рецензентъ самъ не принадлежитъ къ послѣдователямъ, а тѣмъ менѣе къ поклонникамъ—норманской теоріи происхожденія Руси, онъ склоняется гораздо болѣе къ нѣкоторымъ изъ мыслей, выраженныхъ и доказываемыхъ г. Забѣлинымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не можетъ не выразить, что историческій патріотизмъ усматриваетъ въ этой теоріи такія козни и прегрѣшенія, въ какихъ она неповинна, особенно когда берется выводитъ изъ ея положеній соціальныя заключенія; что можно признавать за истину положеніе о призывѣ и выходѣ Руси изъ Скандинавіи, вовсе не отрицая и не сомнѣваясь въ достоинствахъ собственной своей природы. Иначе, что же выйдетъ? Если на каждомъ, кто по чистой совѣсти и крайнему разумѣнію придетъ къ убѣжденію въ исторической истинѣ „Скандинавства“ Руси и Варяговъ—будетъ тяготѣть укоризна въ отрицаніи достоинства русской природы, то въ какомъ положеніи окажется свобода изслѣдованія и науки?! На стр. 55—56 авторъ мимоходомъ дѣлаетъ замѣчанія о неточности исторической науки и невозможности устранить изъ нея страсный элементъ патріотическихъ или субъективныхъ идей и побужденій. Дѣло представляется въ такомъ видѣ, будто бы сіе не только существуетъ, какъ физическая необходимость, но и существовать должно, какъ необходимость нравственная и законная.... Много правды въ его словахъ; но съ другой стороны —отымите у изслѣдователя—историка стремленіе къ правдѣ и истинѣ, дайте ему признать и сознать страстныя идеи и побужденія за неизбѣжную роковую необходимость, освободится отъ которой не властенъ, пусть онъ убѣдится въ невозможности добыть истину, пусть покорно, безъ внутренняго протеста, сознательно онъ откажется отъ стремленія къ ней и послѣдуетъ по пути страстныхъ созерцаній, сужденій и взглядовъ, какъ пути единственно возможному и вѣрному—и исторія въ смыслѣ науки или знанія—погибнетъ: она превратится въ историческое средство къ достиженію разнородныхъ цѣлей и стремленій современности, станетъ по малой мѣрѣ манифестомъ публициста. Что г. Забѣлинъ не вездѣ въ мѣру устоялъ противъ побужденій страстнаго начала по отношенію къ норманской школѣ, это ясно изъ того, что онъ относится къ ней болѣе, какъ обличитель ея неправды, чѣмъ какъ спокойный изслѣдователь историкъ, потому и медлитъ иногда на такихъ подробностяхъ, которыя для историка русской жизни не представляютъ никакаго интерсса и вообще мало относятся къ дѣлу. Та-

ково напр. длинное разбирательство судебно—историческаго дѣла о Миллеровой варяжской диссертаціи (65—88 стр.). Думаю также, что и упреки нѣкоторымъ утвержденіями ученыхъ норманнистовъ основаны на недоразумѣніяхъ увлеченія и, при болѣе спокойномъ отношеніи къ дѣлу—устранились бы вовсе или покрайней мѣрѣ высказались бы въ иной, болѣе признающей формѣ, таковы напр. возраженія автора одному изъ ученыхъ норманнистовъ о значеніи лингвистической и этнологической критики въ рѣшеніи варяжскаго вопроса (стр. 45, 122 сл. 193).

Другая половина статьи г. Забѣлина о „варяжскомъ вопросѣ" представляетъ собою не только общій, наиболѣе вѣроятный, выводъ изъ всего того, что въ разное время было говорено объ этомъ предметѣ учеными „Славянской школы;" но и во многихъ отношеніяхъ принадлежащія лично автору самостоятельные дополненія и развитіе ученій этой школы. Самымъ замѣтнымъ дополненіемъ въ этомъ отношеніи является небольшой сборникъ мѣстныхъ именъ балтійскихъ Славянъ, извлеченныхъ, впрочемъ не изъ первоисточниковъ, какъ грамоты и анналы, а изъ позднѣйшихъ географическихъ и космографическихъ сочиненій. Авторъ слѣдитъ двойники этихъ наименованій на русской почвѣ, онъ видитъ въ нихъ доказательство славянской варяго-русской колонизаціи на Руси. Къ сожалѣнію—любопытное собраніе автора не имѣетъ надлежащей обработки, а этимологическія сближенія и объясненія основаны на внѣшнемъ созвучіи, почему въ число славянскихъ именъ попали многія завѣдомо нѣмецкія и литовскія таковы напр. Rosengard, Rosenfeld, Rosenhagen, Ragnit и множество другихъ= все это будто отъ корня Рус; Руг, Рог?! Этимологія—Ахиллова пята нашего автора, а съ нимъ и всей славянской школы, по крайней мѣрѣ —въ отношеніи варяжскаго вопроса. Трудно понять, какими правилами, какою лингвистикой руководятся послѣдователи этой школы въ своихъ этимологическихъ сравненіяхъ и изъясненіяхъ; по навѣрное можно сказать, что ихъ методъ имѣетъ мало общаго съ тѣмъ, который признанъ и установленъ наукою Сравнительнаго Языкознанія. Норманнисты съумѣли усвоить себѣ этотъ методъ, и если въ этимологическихъ толкованіяхъ ихъ мы находимъ не мало ложнаго и натянутаго, то это сдѣлано вопреки метода: это личные ошибки изслѣдователей. Наоборотъ, когда въ этимологическихъ сравненіяхъ послѣдователей славянской школы мы встрѣчаемъ вѣрныя сближенія и объясне-

нія, то ихъ должно приписать никакъ не правильности ихъ метода, а случайному остроумію и догадкѣ. Такія счастливыя объясненія имѣются и въ книгѣ г. Забѣлина, но вообще онъ идетъ по дорогѣ внѣшняго созвучія и мало придаетъ цѣны исторіи языка и звуковымъ свойствамъ отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій. Извѣстно напр., что въ нарѣчіяхъ балтійскихъ Славянъ господствовалъ иной вокализмъ, чѣмъ въ языкѣ русскомъ: балтійскіе Славяне держались предгласія предъ плавными Р и Л, что понынѣ удержалось въ нарѣчіи Кашебовъ. Равнымъ образомъ у нихъ господствовали носовые звуки и иногда—какъ ясно изъ Славянскихъ словъ въ латинскихъ грамотахъ—даже въ первобытной ихъ чистотѣ. На эти историческія свойства балтійскихъ нарѣчій г. Забѣлина не обращаетъ должнаго вниманія въ своихъ лингвистическихъ поискахъ варяжскихъ слѣдовъ на Руси, а равно и въ сближеніяхъ имени Варяговъ съ наименованіями Вариновъ, Верановъ? (Это дурное, нынѣ оставленное—чтеніе вмѣсто правильнаго Укряне т. е. (обитатели, сидящіе на рѣкѣ Укрѣ), какъ стоитъ въ исправныхъ текстахъ Оттоновыхъ жизнеописаній) и Варновъ, гдѣ въ добавокъ упускается изъ вида несогласимая разность суффиксовъ. Отзываясь недовѣрчиво о значеніи лингвистики (с. 45, 192, 226), авторъ тѣмъ не менѣе вполнѣ довѣряется своимъ этимологіямъ и на основѣ ихъ строитъ самыя смѣлыя историко-этнографическія заключенія... Но когда ложно начало, то должно быть ложно и слѣдствіе его; такъ—на чемъ основано утвержденіе что Варяги—Русь несомнѣнно были древніе Ругіи, получившіе имя отъ острова Ругена, въ смыслѣ Руга-Рога славянской прибалтійской земли (194 с.)? Главнымъ образомъ на созвучіи первыхъ звуковъ Ру-г, Ру-с, Рог! Но если бы авторъ принялъ въ должное вниманіе относящійся сюда ономастиконъ: (онъ тщательно собранъ въ 1-мъ томѣ Фабриціева Рюгенскаго Дипломатарія, „Urkunden zur Geschichte des Fürsth. Rügen, St. 1841) письменныхъ памятниковъ, онъ навѣрное не высказалъ бы гипотезы о происхожденіи наименованія острова Рюгена отъ славянскаго Рога. Формы имен. Рюгена въ нѣмецкихъ сѣверныхъ и латинославянскихъ источникахъ не указываетъ на исходное слово Рог. . Но предположимъ и допустимъ его...., тогда, по правилу Славянской фонетики, притяжательное народное имя отъ Рог вышло бы Ро-ж-ане, подобно тому какъ отъ отъ Бугъ-Бужане, но такой формы нельзя видѣть въ латинскихъ Rujani, Rojani, Rugiani ибо іотъ здѣсь показываетъ только смягченіе послѣдующей гласной,

такъ какъ звукъ ж (=г +j) въ латинской графикѣ всегда передавался начертаніямъ z. Да и какъ согласить съ предполагаемымъ кореннымъ р о г такія формы, какъ Ry, Rye, Rani, Ruani, Roe, Re, Runi....? Чтеніе Шафарика: „Руяне," хотя гипотетическое—вовсякомъ случаѣ гораздо удачнѣе, покрайней мѣрѣ оно находитъ себѣ поддержку въ имени „Руевита"... Что касается до причины, давшей поводъ, по мнѣнію автора, къ наименованію острова Рогомъ, т. е. до географической формы, его то едва-ли въ такой древности можно предположить умѣніе опредѣлять географическую форму такихъ обширныхъ мѣстностей, каковъ островъ Ругенъ....

Заканчивая отдѣлъ о варяжскомъ вопросѣ, авторъ говоритъ: „предположеніе о славянствѣ Варяговъ основывается прежде всего на правильномъ чтеніи и пониманіи лѣтописнаго текста. Оно подтверждается множествомъ свидѣтельствъ донорманнской древности, подтверждается простымъ естественнымъ ходомъ исторіи, этнологическими законами ея развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ оно ни сколько не устраняетъ присутствія въ числѣ славянскихъ Варяговъ и скандинавскихъ ихъ товарищей по морю, всегда бывавшихъ на братской службѣ въ славянскихъ дружинахъ." Думаю, что не уклонюсь отъ истины и справедливости, сказавъ—что эти положенія, эта программа доказаны и выполнены авторомъ не вполнѣ удовлетворительнымъ и убѣждающимъ образомъ; но его попытка славянствомъ Варяговъ и славянскимъ происхожденіемъ Руси „устранить изъ нашей исторіи тотъ рядъ противорѣчій и несообразностей, какой въ ней существуетъ доселѣ по случаю господства мнѣній о Норманнствѣ—скандинавствѣ"—не должна пройти незамѣченною, потому что указываетъ на нѣкоторыя новыя стороны предмета и новые матеріалы, которыми дѣйствительно можно удобрить приходящую въ истощеніе почву „варяжскаго вопроса."

Т р е т ь я г л а в а переноситъ насъ на поле не менѣе, если не болѣе—зыбкое, но за то несравненно болѣе благопріятное для спокойнаго изслѣдованія, чѣмъ предыдущее, именно на поле „исторіи русской страны съ древнѣйшихъ временъ до появленія русскаго имени въ историческихъ памятникахъ." Предварительно авторъ останавливается на вопросѣ о „призваніи князей." Онъ принимаетъ его за дѣйствительно случившійся фактъ народной жизни и отвергаетъ поэтическій или эпическій характеръ сказанія о немъ: „одни и тѣже причины—говоритъ онъ (стр. 204) порождаютъ одни и тѣже слѣдствія и очень многое въ

исторіи люди вовсе не заимствуютъ другъ у друга, а приходятъ къ извѣстному рѣшенію или извѣстному концу только въ силу однородныхъ положеній и однородныхъ идей жизни. Вотъ почему нельзя думать, что призваніе нашихъ Варяговъ есть сага, легенда, заимствованная изъ одного источника съ сказаніемъ Видукинда о подобномъ же призваніи Бриттами воинственныхъ Саксовъ.“ Мы смотримъ на дѣло нѣсколько иначе: допуская возможность (не болѣе!) призванія князей, мы все же убѣждены, что та форма, въ которой „сказаніе“ о призваніи стоитъ въ лѣтописи—есть форма сказочная, овладѣвшая быть можетъ и дѣйствительнымъ фактомъ народной жизни. Соотвѣтствіе сказанію у Видукинда не только въ содержаніи, но и въ формѣ, въ эпическихъ пріемахъ повѣствованія—для насъ имѣетъ значеніе рѣшающее. Было или не было призваніе, но оно не было такимъ, какъ разсказывается въ лѣтописи: здѣсь сказаніе есть русская редакція того же самаго сказочнаго странствующаго разсказа, котораго саксонскую редакцію представляетъ Видукиндъ. Что сказочный мотивъ, выходя изъ одного источника, можетъ свободно примѣняться къ разнымъ историческимъ событіямъ и у различныхъ народовъ можетъ повторяться—это явленіе давно извѣстное въ исторіи народной поэзіи....

Въ изложеніе своего собственнаго предмета нашъ авторъ вошелъ не сразу: отголоски „варягоборства“ и недовольства „нѣмецкою наукою“ слышатся еще долго и на страницахъ этого новаго отдѣла, во „введеніи“ къ нему. Оно посвящено разсмотрѣнію вопроса о древности Славянъ въ Европѣ, который, по его словамъ, „до сихъ поръ остается подъ сомнѣніемъ.“ Славяне съ 5-го в. предъ Р. Х. по 5 ст. по Р. Х. занимаютъ пространство между Балтійскимъ и Черными морями, между Карпатами, Дономъ и верховьями Волги т. е. „живутъ на тѣхъ же „мѣстахъ, на какихъ живутъ и до нынѣ, а между тѣмъ поле дѣй„ствій принадлежитъ не имъ: ходятъ, воюютъ, становятся извѣстными „и потомъ неизвѣстными какія то другія народности, которыхъ наука „не почитаетъ за славянскія племена; Славяне же безмолвствуютъ до „начала 6-го вѣка. Въ этомъ случаѣ надо принять за истину что ли„бо одно: или Славянъ здѣсь вовсе не было, или ихъ дѣйствія и дѣла „скрыты отъ исторіи подъ другими именами. При настоящемъ напра„вленіи исторической разыскательности, когда впереди всего ставятъ „изслѣдованіе бытовыхъ началъ народной исторіи, этотъ вопросъ оста„вить безъ отвѣта не возможно“ (стр. 212—213). Авторъ думаетъ

рѣшить этотъ вопросъ посредствомъ историко-этнографическаго разсмотрѣнія народовъ, обитавшихъ и дѣйствовавшихъ па русской землѣ съ тѣхъ поръ, какъ запомнитъ исторія, онъ думаетъ, что судьба этихъ „старинныхъ хозяевъ" нашей земли очень значительна для нашей народной земской исторіи, ибо они въ теченіи вѣковъ не могли же не оставить намъ кой чего въ наслѣдство. Авторъ начинаетъ съ извѣстій Геродота о Скиѳіи и ея обитателяхъ, Скиѳахъ пахаряхъ и кочевникахъ, причемъ первыхъ онъ отожествляетъ съ Полянами, Кіянами русской лѣтописи, говоритъ о сосѣдяхъ Скиѳовъ, Неврахъ и видитъ въ сказаніи о ихъ переселеніи на Восточную сторону Днѣпра прямой источникъ того преданія о переходѣ Радимичей и Вятичей, которое чрезъ 1500 лѣтъ еще было памятно въ Кіевѣ во времена (такъ наз.) Нестора. Переселеніе Невровъ, по мнѣнію автора, есть первое колонизаторское движеніе славянскаго племени на Востокъ, зародышъ такъ наз. теперь Великорусскаго племени. Описавъ по Геродоту бассейнъ Днѣпра и назвавъ Скиѳовъ пастырей и царскихъ, а равно и сосѣдей ихъ Меланхленовъ, Савроматовъ, Будиновъ, которые—по его (очень вѣроятному и основательному, на нашъ взглядъ, мнѣнію) [3]) были одно изъ племенъ Финнскихъ, Гелоновъ, Тиссагетовъ, Исседоновъ, авторъ возвращается собственно къ Скиѳамъ и даетъ этнографическое объясненіе Геродотову сказанію о о происхожденіи Скиѳовъ. Весьма основательно усвояя его народу земледѣльческому, онъ выводитъ изъ него тотъ историческій фактъ, что „Скиѳы—кочевники, обладавшіе въ то „время страною, пришли въ нее послѣ всѣхъ, были по заселенію младшіе всѣмъ братья, что Скиѳы-земледѣльцы напротивъ были братьями „старшими, т. е. заселили эти мѣста гораздо раньше Скиѳовъ-пасты„рей. Геродотовы преданія показываютъ, что въ странѣ другъ подлѣ „друга существовали два народныхъ быта, двѣ исторіи, бытъ и преда„нія земледѣльческіе къ Западу, къ Дунаю, и бытъ и преданія коче„вые, къ Дону, къ Каспійскому морю." Указавъ, какъ Скиѳы-кочевники вытѣснили Киммерійцевъ (въ составъ которыхъ по гипотезѣ автора могли входить и Славяне!?), г. Забѣлинъ представляетъ весьма подробную картину быта кочевыхъ Скиѳовъ, причемъ слѣдуетъ почти исключительно Геродоту. Скиѳы-земледѣльцы, какъ и Невры были, по мнѣнію автора—несомнѣнно Славяне, ведшіе торговлю хлѣбомъ съ

---

[3]) См. также во второмъ томѣ, стр. 492— слѣд.

греческимъ Югомъ и съ уральскимъ Сѣверомъ. За изложеніемъ того, что извѣстно объ исторіи (войнахъ) Скиѳовъ, разсматривается Сарматія писателей римскаго вѣка и ея обитатели, подробно разбираются свѣдѣнія о ней, находящіяся у Страбона, Тацита, Птоломея, Аммiана Марцелина, а потомъ, въ поясненіе географическихъ показаній древнихъ писателей, излагается внѣшняя исторія Роксоланъ, Бастарновъ, Готовъ, Гунновъ. Послѣдніе вызываютъ со стороны автора подробный разборъ вопроса о ихъ народности, которую онъ признаетъ за славянскую (здѣсь находится подробное изложеніе извѣстій Приска объ Аттилѣ, его дворѣ и образѣ жизни). Далѣе авторъ разсматриваетъ исторію потомковъ Гунновъ, къ которымъ относитъ Булгаръ, Сабировъ, Славянъ-Антовъ, Котригуровъ и Утигуровъ, говоритъ объ отношеніяхъ къ Славянамъ Аваръ, Хозаръ, собираетъ въ одно черты древнѣйшаго славянскаго быта, отмѣченныя у византійскихъ писателей и наконецъ, дѣлаетъ нѣкоторыя общія заключенія. Слѣдуя имъ—основною народностью въ исторіи и бытѣ кочевыхъ племенъ, занимавшихъ нынѣшнюю южную Русь, Карпаты и земли по нижнему Дунаю—была народность славянская: это—славянскія дружины казацкаго устройства.

Таково содержаніе третьей главы труда г. Забѣлина, главы болѣе чѣмъ прочія обильной матеріаломъ, стоившей автору многихъ усилій по собраній, приведенію въ порядокъ и объясненію темныхъ свидѣтельствъ древности.

Историко-этнологическія разысканія о народахъ, обитавшихъ на Сѣверѣ и Западѣ отъ Чернаго моря начаты давно и образуютъ уже довольно богатую литературу. Не всѣ сюда относящіеся труды одинаково важны, но есть и такіе, которыхъ современный изслѣдователь миновать не можетъ, если не пожелаетъ принять на себя непосильную работу нѣсколькихъ поколѣній и снова, безъ видимой нужды, проходитъ пути, давно пройденные другими. По недовѣрію ли къ началамъ и результатамъ современной исторической этнологіи, или по инымъ причинамъ, только г. Забѣлинъ оставилъ безъ вниманія всю ученую обработку предмета: если гдѣ и случится ему помянуть имя того или иного изслѣдователя, то развѣ—съ полемической цѣлью, причемъ иногда (какъ напр. стр. 212—13, 250) указываются труды, вовсе незаслуживающіе памяти. Вообще же авторъ держится исключительно того, что находитъ или думаетъ найти въ свидѣтельствахъ древности, не заботясь объ объяснительныхъ комментаріяхъ ученыхъ и слѣдуя, какъ

онъ выражается—„золотому правилу Гроберга, что въ исторіи, равно какъ и въ географіи, чувствуя себя сколько нибудь способнымъ судить здраво, смѣло должно полагаться болѣе всего на свои собственныя свѣдѣнія, нежели на чужія." Правило,—заслуживающее полнаго признанія; но понятое, какъ я думаю, авторомъ односторонне. Историко-этнографическія свѣдѣнія древнихъ—темны и отрывочны, въ нихъ почти всегда смѣшаны факты и событія дѣйствительно существовавшіе съ мнѣніями, взглядами или понятіями о нихъ писателей историковъ и географовъ, съ субъективнымъ пониманіемъ ихъ.... Раздѣлить эти два начала, т. е. правильно освѣтить и установить фактъ—вообще дѣло очень не легкое, иногда просто невозможное; необходима критика и притомъ—очень разносторонняя, неисполнимая для усилій единичныхъ. Полагаться на свои собственныя свѣдѣнія, на свое непосредственное знакомство съ текстами—значитъ во многихъ случаяхъ уклоняться отъ правильнаго пониманія дѣла, т. е. ученой критики или обработки текста и заключающихся въ немъ извѣстій. Я не сомнѣваюсь что при вниманіи къ трудамъ Цейсса, Укерта, Вивіена-Сенъ-Мартена, Ганзена, Нейманна, Дифенбаха, Куно, Реслера и нѣкоторыхъ другихъ изслѣдователей—историко-этнографическое изложеніе автора приняло бы болѣе упорядоченный видъ, даже и тогда, когда общая мысль его о преобладаніи славянской стихіи въ жизни кочевниковъ—осталась бы въ своей неприкосновенности. При вниманіи къ этимъ трудамъ онъ напр. не обошелъ бы вопроса о народности Скиѳовъ-Сколотовъ и съумѣлъ бы свою, впрочемъ очень удачную, картину ихъ быта—дополнить любопытнѣйшими подробностями, онъ непремѣнно остановился бы на тѣхъ результатахъ, какіе дала для исторіи арійскихъ народовъ—наука языкознаніе, онъ удѣлилъ бы среди нихъ мѣсто и Литвѣ и, конечно не сталъ бы вовсе упоминать о томъ старомъ, ничего не стоящемъ мнѣніи, которое роднило Геруловъ съ Литовцами (с. 309) и которое, по его мнѣнію, будто бы столь же удачно, какъ и мнѣніе о германствѣ Геруловъ. Чтобы выбраться изъ пучины „загадочныхъ именъ, темныхъ и отрывочныхъ показаній, и большей части несообразныхъ толкованій—по мнѣнію автора—необходимо держаться крѣпко за землю т. е. за исторію имени, а больше всего за исторію страны, по которой время отъ времени проходили эти различныя имена (с. 267)." Если я правильно понимаю выраженную здѣсь мысль автора—и ея дальнѣйшее развитіе, то они таковы: въ странѣ съ незапамят-

ныхъ временъ сидитъ племя одной народности, до слуха исторіи достигаетъ оно разными частями или сторонами въ разное время, а потому и подъ разными именами. Поверхностному наблюденію эти различныя имена представляются различными народностями, различными племенами, но держась исторіи земли—убѣждаешься, что это вѣтвь одного и того же генеалогическаго древа, болѣе или менѣе близкіе родственники или потомки одного родоначальника. Такимъ образомъ устанавливается родственная преемственность и филіація между славянскими племенами, начиная съ первыхъ свидѣтельствъ исторіи (Геродота) даже „доднесь.“ Скиѳы земледѣльцы, по мнѣнію автора, были несомнѣнно—Славяне; на тойже мѣстности въ 9—10 в. живутъ славяно-русскія племена, стало быть всѣ другія племена, наполняющія своими именами исторію Южной Руси съ 5 с. до Р. Х. были Славяне, покрайней мѣрѣ таковы племена важнѣйшія: Роксолане, Бастарны и въ особенности Гунны. Такъ дѣйствительно и должно было быть, если бы исторія завѣдомо незнала о движеніи кочевыхъ племенъ изъ средней Азіи въ Европу, движеніи, послѣднимъ значительнымъ актомъ котораго было памятное намъ татарское нашествіе XIII в. Если же движеніе кочевыхъ ордъ на западъ не подлежитъ сомнѣнію, то появленіе въ черноморскихъ степяхъ и въ странахъ карпатскихъ и при Дунайскихъ такихъ племенъ, какъ Роксолане, Гунны, Болгаре, Бастарны и т. д. требуетъ разъясненій, а такая или иная генеалогія ихъ—доказательствъ. Прежняя историко-этнологическая наука пыталась разрѣшить эти вопросы путемъ исторической и этнографической критики свидѣтельствъ, въ помощь къ ней появилась потомъ лингвистика и побольшей части подтвердила прежнія заключенія. Неяснаго, нерѣшеннаго здѣсь, разумѣется —еще очень много; но нельзя сомнѣваться, что есть не мало и такихъ рѣшеній, которыя при современномъ состояніи науки—не могутъ быть пока замѣнены ничѣмъ болѣе удовлетворительнымъ и потому во всякомъ случаѣ—заслуживали бы большаго вниманія, чѣмъ то, какое удѣлено имъ г. Забѣлинымъ. Не поминая ихъ доводовъ во многихъ случаяхъ ниже единымъ словомъ, онъ возобновляетъ старинныя мнѣнія о славянствѣ выше названныхъ народовъ. Доказательства его едвали смогутъ поколебать установившееся противуположное мнѣніе, они сводятся главнымъ образомъ къ идеѣ прикрѣпленія Славянъ къ землѣ, идеѣ хотя и вѣрной, но вовсе не исключающей пребыванія и движенія по этой же землѣ инородныхъ кочевниковъ. Этимологіи, идущія на по-

мощь славянской теоріи автора, и выводы изъ нихъ и другія доказательства генетической связи кочевыхъ народовъ со Славянами—скорѣе усилятъ, чѣмъ устранятъ недовѣріе къ утвержденіямъ автора: такъ въ объясненіе имени Роксоланъ снова являются балтійскіе Рогіи-Роги, Роксы, Россы и даже Аорсы; „Языги" объясняются словомъ „я з ы к ъ," Бастарны—именемъ Быстрянъ, отъ рѣки Быстрицы гдѣ жили они (замѣтимъ, что извѣстіе о великомъ и славномъ племени Бастарновъ мало подходятъ подъ такое объясненіе отъ незначительной рѣчки); Сабири—Сѣверянами, Аспарухъ-Спорами и т. д. Придерживаясь идеи о родственной преемственности, авторъ, какъ указано выше, вздумался соединить извѣстіе Геродота о Неврахъ съ преданіемъ Лѣтописи о приходѣ Радимичей и Вятичей отъ Ляховъ. Какъ будто—это дѣло статочное, чтобы народная память могла удержать такое событіе на пространствѣ полуторы тысячи лѣтъ! Одна идея автора, идея не столько доказываемая, сколько выражаемая догматически—на мой взглядъ, заслуживаетъ полнаго вниманія, это гипотеза объ исконномъ существованіи и дѣйствіи дружинъ сбродныхъ народностей. Стоило бы заняться ближайшимъ разсмотрѣніемъ этого вопроса, такъ-какъ отъ рѣшенія его зависитъ и много частныхъ рѣшеній исторической этнографіи такъ наз. эпохи переселенія народовъ. Съ особенною энергіею г. Забѣлинъ стоитъ за „с л а в я н с т в о" Гунновъ. Это этнологическое мнѣніе образуетъ у него исходной пунктъ для рѣшенія многихъ вопросовъ и потому требуетъ съ нашей стороны вниманія, болѣе чѣмъ обыкновеннаго.... С л а в я н с т в о Г у н н о в ъ, начиная съ манифестовъ пок. Венелина—время отъ времени подымается въ наукѣ.... Это свидѣтельствуетъ, что общепринятое рѣшеніе вопроса не имѣетъ полной убѣждающей силы и во многихъ частяхъ еще недостаточно; по—скажемъ прямо—каждый разъ славянская теорія Гунновъ выступаетъ съ такими доводами съ доказательствами, что наша мысль, забывая недостатки общепринятыхъ историко-этнологическихъ о семъ предметѣ понятій—невольно склоняется къ нимъ, какъ къ единственно вѣрнымъ въ научномъ отношеніи и добытымъ правильнымъ ученымъ методомъ. Тоже испытываетъ изслѣдователь и послѣ рѣшеній г. Забѣлина.... Урало-алтайское, не арійское, а туранское (?), монгольское или тюркское происхожденіе Гунновъ основывается сколько знаемъ на слѣдующихъ историческихъ данныхъ и соображеніяхъ: а) появленіе Гунновъ въ 2—3 ст. въ приволжскихъ, придонскихъ степахъ (у Меотиды) и у

Кавказа и движеніе ихъ въ Европу 5 ст. стоитъ въ несомнѣнной этнологической связи съ періодическимъ движеніемъ народовъ съ востока, составляетъ только одно кольцо въ цѣпи движенія урало-алтайскихъ племенъ на Западъ; б) Гунны явились въ Европѣ съ характеромъ племени совершенно новаго,. внезапно надвинувшагося, нравственно и физически отличнаго отъ прежнихъ, другъ другу знакомыхъ обитателей страны.... Даже допустивъ всякаго рода преувеличеніе въ разсказахъ о нихъ,—нельзя въ концѣ концовъ не прійти къ заключенію, что расовой типъ Гунна былъ не европейскій, а равно ихъ образъ жизни и характеръ, кочевой, дикій, азіатски-стадный и разрушительный; в) наименованіе Гунновъ, встрѣчается въ китайскихъ лѣтописяхъ въ примѣненіи къ одному урало-алтайскому или монгольскому племени, образъ жизни его по тѣмъ же источникамъ весьма близко отвѣчаетъ образу жизни Гунновъ у Іорнанда и Амміана Марцелина. Въ вопросѣ о народности Гунновъ еще имѣютъ значеніе и слѣдующія несомнѣнныя историческія данныя: въ своемъ движеніи съ Востока на Западъ Гунны захватывали съ собою многіе на пути лежавшія племена; оттого въ полчищахъ ихъ нельзя не замѣтить ясныхъ слѣдовъ иныхъ этнологическихъ элементовъ: славянскихъ, готскихъ, м. б. кельтскихъ и иныхъ. Этимъ, конечно, объясняются нѣкоторые черты во внутренней исторіи Гунновъ, неимѣющія кочеваго характора урало-алтайскихъ племенъ. Всѣ эти разноплеменныя полчища, однако, собирались подъ общимъ именемъ Г у н н о в ъ, именемъ которое осталось за ними и долго спустя по распаденіи Аттиловой державы: Гуннами тогда называются Славяне, Готы, другія нѣмецкія племена, Авары, Мадьяры и пр. Имя утратило точностью этнологическаго чекана, вывѣтрилось и стало нарицательнымъ. Этому не мало способствовало вліяніе поэзіи, которая слила чисто народныя преданія германскихъ и романскихъ племенъ съ гуннскими отголосками и усвоила себѣ Аттилу.... При рѣшеніи вопроса о п е р в о н а ч а л ь н о й, к о р е н н о й народности Гунновъ всѣ позднѣйшія варіаціи, мнѣнія, толкованія и преданія о Гуннахъ—имѣютъ очень малую цѣну, почти что никакой.... Они важны въ исторіи поэзіи и этнографическихъ воззрѣній, но рѣшать по нимъ вопросъ о народности Гунновъ—невозможно.... Все, что даютъ они въ этомъ смыслѣ положительнаго—это повременамъ глухія указанія на чужую азіатскую народность Гунновъ.... Такъ полагаемъ мы; но не такъ думаетъ г. Забѣлинъ. Онъ (с. 329) не даетъ никакой

цѣны показаніемъ древнихъ писателей о происхожденіи Гунновъ: для него—это „только басни, догадки и темные слухи.“ Основываясь на позднѣйшихъ синкретическихъ показаніяхъ о Гуннахъ, онъ гадаетъ „что имя Уннов получила сѣверная дружина Славянскихъ племенъ, призванная на помощь южными племенами, при низложеніи владычества Готовъ и собравшаяся въ Кіевѣ.... Можетъ быть и имя Кіева звучитъ въ имени Хунновъ или Унновъ....“ (с. 337) Это „догадка....;“ но она немедленно утверждается имъ: С л а в я н с т в о Гунновъ становится для автора и с т о р и ч е с к и м ъ ф а к т о м ъ, которому онъ находитъ подтвержденіе въ очень темномъ географическомъ показаніи Іорнанда, въ показаніяхъ Приска и во многихъ другихъ болѣе позднихъ свидѣтельствахъ.... Къ балтійскому славянскому происхожденію Гунновъ мы будемъ еще имѣть случай возвратиться при разборѣ II г. „Исторію русской,“ жизни, здѣсь же скажемъ только о славяно-гуннской теоріи автора вообще. На нашъ взглядъ: ни одно изъ положеній ученія объ урало-алтайскомъ (монгольскомъ или тюркскомъ—не вхожу въ разсмотрѣніе) происхожденіи Гунновъ авторомъ не опровергнуто, ни даже не поколеблено: онъ ограничивается однимъ только отрицаніемъ „заученыхъ“—по его мнѣнію выводовъ и рѣшеній и вовсе невходитъ въ обстоятельное разсмотрѣніе ихъ; съ другой стороны—ни одно изъ приводимыхъ авторомъ доказательствъ славянства Гунновъ не имѣетъ твердой убѣждающей силы историческихъ данныхъ: тексты Прокопія и Іорнанда (с. 328—331) не даютъ рѣшительно никакаго права считать Гунновъ к о р е н н ы м и т у з е м ц а м и Русской страны: изъ сихъ текстовъ выходитъ только, что Гунны занимали земли южной Руси въ V вѣкѣ; Славянскій комментарій автора къ Прискову сказанію (с. 345 сл.), при всемъ своемъ безотносительномъ интересѣ—ничего не дастъ въ пользу „Славянства“ Гунновъ. По такому способу можно столь же хорошо доказывать и н ѣ м е ц к о е происхожденіе ихъ.... Да и принявъ въ извѣстіяхъ Приска Славянщину, нельзя не видѣть, что этотъ доводъ имѣетъ въ вопросѣ о происхожденіи малую этнологическую цѣну: Славяне—нѣтъ сомнѣнія—составляли существенную часть Аттилова воинства....

Противъ „Славянства“ Гунновъ, скажемъ въ заключеніе—кромѣ всего прочаго, мы имѣемъ одно главное возраженіе: не странно ли, Аттила и Гуны Славяне, они являются въ историко-поэтическихъ преданіяхъ почти всѣхъ европейскихъ народовъ, за исключеніемъ только

—самихъ Славянъ. Всѣ помнятъ о грозномъ величіи Славянъ, одни Славяне ничего не знаютъ объ этомъ, являясь народомъ, „непомнящимъ родства“!!

Заключу разсмотрѣніе „третьей“ главы нѣсколькими частными замѣчаніями. Мнѣ кажется, авторъ удѣлилъ слишкомъ мало мѣста извѣстіямъ древнихъ о природѣ страны и произведеніяхъ ея. Это—важно въ томъ отношеніи, что нынѣшнее состояніе страны не вовсемъ таково, какъ было въ древности и, разсуждая о вліяніи природы на исторію, должно непремѣнно имѣть въ виду какъ нынѣшнее, такъ и древнее состояніе первой. Для разсмотрѣнія этихъ извѣстій удобнѣйшее мѣсто представляла первая глава, но не найдя ихъ тамъ, мы надѣялись покрайней мѣрѣ встрѣтить ихъ здѣсь. Скажемъ здѣсь, что и матерьялы для разсмотрѣнія сего вопроса весьма обстоятельно собраны у Луд. Георгія, въ его сочин. „Европейская Россія въ ея древнѣйшихъ состояніяхъ“ (Das Europäische Russland in seinen ältesten Zuständen, St. 1845), въ „Скиѳіи“ Укерта (составляющей второе отд. третьяго тома его „Geographie der Griechen und Römer, w. 1846) и въ указанныхъ выше, стр. 4 примѣч. 2, сочиненіяхъ Эйхвальда и Ганзена. Большаго вниманія заслуживали бы Болгаре, которымъ отведено едва нѣсколько строкъ (369 стр.): для автора, признающаго славянство Гунновъ—этнологическій вопросъ о Болгарахъ въ особенности долженъ былъ бы быть важенъ, ибо съ одной стороны этотъ народъ связывается съ Гуннами, съ другой же—со Славянами. Запасъ матерьяловъ для рѣшенія вопроса объ этнологіи Болгаръ въ послѣднее время получилъ значительныя приращенія, благодаря трудамъ оріенталистовъ: Хвольсона („Извѣстіе.... Ибнъ-Даста,“ 1869), Гаркави („Сказанія мусульманскихъ писателей....“ Спб. 1870) разысканіямъ А. А. Куника („Извѣстія Ал-Бекри I, Спб. 1878“) и отчасти Реслера („Romänische Studien“ 1871) Не была-бы—потому—излишня попытка новаго пересмотра сей важной статьи европейской этнологіи. То, что сдѣлано въ отношеніи „болгарскаго вопроса“ Л. Дифенбахомъ, въ его послѣднемъ трудѣ „Völkerkunde Ost-Europas“ Dar. 1880, ч. II стр. 97—122—едвали удовлетворитъ кого-нибудь изъ изслѣдователей. Разсмотрѣніе чертъ древнеславянскаго быта (стр. 407 слѣд.) носитъ на себѣ чрезъ мѣру популярный характеръ: оно ограничивается выдержками изъ Прокопія и Маврикія и нѣкоторыми „разсужденіями“ по поводу отмѣченныхъ ими особенностей образа жизни Славянъ. Нельзя не же-

лать, чтобы были приняты во вниманіе извѣстія и другихъ писателей, византійскихъ и западныхъ и чтобы они были изслѣдованы съ большею обстоятельностью. И кому же исполнить это, какъ не нашему автору, столь навыкшему въ подобнаго рода историческихъ изслѣдованіяхъ!

При рѣшеніи вопроса о древне-славянскомъ бытѣ есть уже нѣкоторая возможность принять въ разсчетъ и пріобрѣтенья славянскаго языкознанія по отношенію къ возстановленію обще-славянской жизни на основаніи данныхъ языка. Сдѣлано здѣсь еще очень не много, но кое-что сдѣлано, и притомъ сдѣлано такъ, что можетъ быть усвоено и принято наукою, какъ неопровержимый фактъ.... Древнѣйшія извѣстія о бытѣ Славянъ идутъ съ Юга, отъ Византійцевъ, стало быть —главнымъ образомъ имѣютъ въ виду южныхъ Славянъ. Выдѣлить изъ этихъ извѣстій черты обще-славянскія—возможно только при пособіи сравнительнаго славянскаго языкознанія....

Каковы бы ни были, однако, вольные и невольные недостатки историко-этнологическаго отдѣла изслѣдованій автора, нельзя не отнестись съ признательностью къ его попыткѣ дополнить скудныя страницы этой древности матеріаломъ совершенно новымъ, впервые добытыми чрезъ могильныя изслѣдованія или раскопки. Этому посвящено особое „Приложеніе“ (стр. 613—647), носящее названіе: „Древняя Скиѳія въ своихъ могилахъ.“ Такъ-какъ эти страницы по предмету своему относятся именно къ третьей главѣ книги, то я нахожу умѣстнымъ разсмотрѣть ихъ здѣсь съ нѣкоторою подробностью. Скиѳскія могилы съ ихъ содержаніемъ впервые стали предметомъ случайнаго изслѣдованія еще въ концѣ прошлаго вѣка (раскопка Мельгунова, отчетъ о которой помѣщенъ въ журналѣ Миллера: „Ежемѣсячныя сочиненія“ 1764, Декабрь стр. 497—515), затѣмъ также случайно Дюбрюксомъ, въ 1831 году, была открыта знаменитая Куль-обская могила и, благодаря статьѣ о нѣкоторыхъ предметахъ изъ нея Рауль-Рошета („Notice sur quelques objets en or trouvés dans un tombeau de Kertsch.... Extr. du Journal des Savans 1862, Janv.“), скиѳскія древности обратили на себя общее вниманіе европейской науки. Оно усилилось послѣ выхода въ свѣтъ эрмитажнаго изданія: „Antiquités du Bosphore Cimmérien, conser. au Musée Impérial de l'Érmitage. Spb. 1854—5. 3 v.—хотя и не вполнѣ удовлетворительнаго въ ученомъ отношеніи, но представлявшаго подробности кулобскаго открытія и превосходныя изображенія нѣкото-

рыхъ предметовъ скиѳско-босфорской древности. Систематическія раскопки скиѳскихъ кургановъ начались изслѣдованіемъ Луговой могилы (Александропольскаго кургана. Первое обстоятельное извѣстіе о раскопкѣ сего кургана, съ рисунками многихъ вещей—находимъ въ „Извлеченіи изъ изъ отчета объ археологическихъ разысканіяхъ въ 1853 г., Спб. 1855) и продолжались съ небольшими перерывами почти до послѣдняго времени. Разрыто было нѣсколько большихъ (царскихъ) и малыхъ могилъ, главнымъ образомъ трудами—г. Забѣлина. Особенно богатый, въ своемъ родѣ единственный матеріалъ дала его раскопка Чертомлыцкаго кургана. Накопилось так. образомъ не мало данныхъ, относящихся къ скиѳской древности и добытыхъ исключительно изъ кургановъ. Археологическая Коммисія предприняла изданіе этихъ новыхъ документовъ въ великолѣпномъ Сборникѣ: „Древности Геродотовой Скиѳіи,“ (котораго доселѣ появилось два выпуска). Сводъ данныхъ и обработку ихъ для науки бытовой древности—впервые представляетъ г. Забѣлинъ. Говоримъ впервые, потому что попытки Л. Швабе (Die Griechen und die griechische Kunst am Nordgestade des Schwarzen Meeres. R. 1867) и Ленормана Старшаго („Mémoire sur les Antiquités du Bosphore Cimmérien“ въ Mémoires de l'Académie des Inscriptions et belles lettres.... t. XXIV, I, P. 1661, стр. 101—265) основаны на очень недостаточномъ количествѣ матеріала: первый остановился преимущественно на данныхъ Чертомлыцкой могилы, а второй—Кулъ-Обской. Я не колеблюсь признать эти богатыя не объемомъ, но внутреннимъ содержаніемъ—страницы труда г. Забѣлина однимъ изъ капитальнѣйшихъ пріобрѣтеній русской исторической науки: онѣ открываютъ совершенно новую область и дополняютъ сказанія Геродота такими живыми чертами и подробностями Скиѳскаго быта, какихъ не найдемъ ни въ одномъ, доселѣ извѣстномъ источникѣ. Можно, конечно, пожелать большихъ подробностей, или говоря точнѣе: большей остановки надъ разборомъ и объясненіемъ значенія нѣкоторыхъ предметовъ, а равно и большаго вниманія къ нѣкоторымъ древностямъ завѣдомо скиѳской культуры, открытымъ какъ въ Кулъ-обскомъ (см. вышеуказанную статью К. Ленормана), такъ и въ другихъ южно-русскихъ курганахъ; но и въ томъ видѣ, какъ она есть—статья г. Забѣлина не только удовлетворяетъ своей цѣли; но и представляетъ въ своемъ родѣ образцовый опытъ приложенія археологіи къ рѣшенію вопросовъ бытовой исторіи и древности. Нужно желать, чтобы подобную работу г.

Забѣлинъ предпринялъ относительно могилъ не скиѳскаго, не греческаго, а варварскаго и славянскаго происхожденія. Здѣсь задача сложнѣе и труднѣе, но зато сколь много пользы и успѣха пріобрѣтетъ отсюда наука! Первымъ приготовительнымъ шагомъ къ такому труду должны, конечно, быть сводъ свѣдѣній о могилахъ и распредѣленіе ихъ матерьяла, подобное тому, какъ это сдѣлано въ нѣмецкой наукѣ К. Вейнгольдомъ (Die heidnische Todtenbestattung in Deutschland. W. 1859).

Четвертая глава разсматриваетъ первое появленіе „Руси" въ исторіи и слухи о ней въ Византіи и на Западѣ, именно: первый набѣгъ Русскихъ на Царьградъ, вызвавшій извѣстныя проповѣди патріарха Фотія, причину этого набѣга и его послѣдствія, первые слухи о Руси на Западѣ (въ Бертинскихъ лѣтописяхъ), причемъ, по слѣдамъ г. Гедеонова—отвергается всякая историческая цѣнность выраженія: „Imperator comperit eos (Rhos) gentis esse Sueonum," и оно не безъ основанія толкуется, какъ частное соображеніе чиновниковъ канцеляріи Людовика Бл.; наконецъ—излагаются сказанія о странѣ и народѣ Русь—арабскихъ писателей, преимущественно Ибнъ-Фадляна. Въ общемъ сей отдѣлъ книги г. Забѣлина обработанъ съ большою отдѣлкою, ясностью и воздержаніемъ отъ смѣлыхъ гаданій, чѣмъ два предыдущіе, а потому онъ гораздо удовлетворительнѣе ихъ. Недостатки его условливаются главнымъ образомъ тѣмъ, что авторъ долженъ былъ пользоваться нѣкоторыми источниками въ обработкѣ или мало удовлетворительной, или и совсѣмъ недостаточной. Такъ напр. Гомиліи патр. Фотія о Руси были доступны ему въ переводѣ и толкованіи пр. Порфирія: „Четыре бесѣды Фотія," пер. ар. П. Успенскаго. Спб. 1864 г., мало отличающимся филологическою точностью. Если бы авторъ послѣдовалъ исправному тексту, изданному акад. Наукомъ, какъ „Appendix" къ его „Lexicon Vindobonense," Petr. 1867, онъ конечно нѣсколько иначе представилъ бы себѣ причину перваго набѣга Руси на Царьградъ и не призвалъ бы всуе какихъ то „молотильщиковъ," о которыхъ въ текстѣ нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія. Эти „молотильщики" въ недобрый часъ явились изъ головы пр. Порфирія и доселѣ еще, какъ видно изъ обстоятельной „Исторіи русской Церкви" г. Голубинскаго, т. I, стр. 20—21 in notis—смущаютъ историческую науку. Посему мы находимъ нужнымъ представить здѣсь исправное чтеніе акад. Наука въ соотвѣтствіи съ фантастическимъ чтеніемъ пр. Порфирія:

Чтеніе и перифразъ ак. Наука	Чтеніе и переводъ пр. Порфирія.
„πολλῶν δὲ καὶ μεγάλων φιλανϑρώπως ελευϑερωϑέντες 'ολίγων ἄλλους καὶ ἀφιλανϑρώπως ἐδουλώσαμεν“ т. е. nos, quibus multa et gravia peccata per divini numinis misericordiam condonata sunt, levium delictorum poenas acerbas ab aliis exegimus....	„πολλῶν καὶ μεγάλων φιλανϑρώπως 'ελευϑεροϑέντων, ὀλίγους ἀλοεῖς, αφιλανϑρώπως ἐδουλώσαμεν....“ т. е. „многіе и великіе изъ насъ получили свободу (изъ плѣна) по человѣколюбію: а мы не многихъ молотильщиковъ безчеловѣчно сдѣлали своими рабами....

Или въ точномъ русскомъ переводѣ: „отъ многихъ же и великихъ (прегрѣшеній) человѣколюбиво освобожденные, за̀ немногое другихъ и безчеловѣчно порабощаемъ“.... Есть и иныя отличія исправнаго текста Фотіевыхъ гомилій отъ порфирьевскихъ, которыя, подтверждая слова Наука, что „vir laudabili literarum amore insignis, sed a minuta philologorum diligentia alienus, parum caute eam rem (sc. editionem homiliarum harum) suscepisset.“ (Prooem. ad Lex. Vind. p. XXX).

Объясненіе географическихъ и этнографическихъ извѣстій арабскихъ источниковъ вызвало со стороны автора не мало труда и остроумія. Но можно ли сказать, что онъ достигъ успѣха? Не думаю. До той поры, пока въ точности не будетъ опредѣлена система этно- и географическихъ воззрѣній и понятій Арабовъ, пока извѣстія ихъ намъ извѣстны только въ отрывочныхъ выдержкахъ, до той поры— всякія попытки правильно воспользоваться арабскими источниками будутъ неточны и непрочны, а сужденіе нашего автора, что „какъ о Руси, такъ и о Славянахъ изъ арабскихъ писателей извлекаются только тѣ понятія, какія существуютъ въ нашей первой лѣтописи“— преждевременно.

Объясненіе болгаро-арабскаго сказанія о великанѣ (стр. 466—7) славянскимъ Волотомъ, а еще болѣе сдѣланный выводъ отсюда—явное увлеченіе автора въ пользу облюбленной мысли о приходѣ въ нашу страну Варяговъ-Велетовъ въ незапамятное для исторіи время. Такія толкованія—ничего не прибавляютъ къ успѣху науки. Экскурсъ изъ византійской исторіи IX в. (стр. 421—424) могъ быть бы опущенъ безъ малѣйшаго ущерба для дѣла. Догадка, что Буртасы, сожигавшіе своихъ покойниковъ—были по всему вѣроятію русскіе Славяне (стр. 446) основывается на недостаточныхъ данныхъ.

Пятая и послѣдняя глава разсматриваетъ „русскую лѣтопись и ея сказанія о древнихъ временахъ.“ Авторъ распространяется о томъ, какимъ путемъ и гдѣ, въ какой средѣ явились начатки русскаго лѣтописанія: вмѣстѣ съ другими современными изслѣдователями онъ полагаетъ, что первыя краткія лѣтописныя замѣтки о событіяхъ и лицахъ почему либо памятныхъ дѣлались церковными людьми въ церковныхъ книгахъ, гдѣ помѣщались пасхальныя таблицы или святцы, а также и на пустыхъ мѣстахъ или листахъ церковныхъ книгъ. Это обстоятельство по мнѣнію автора—условило правду и историческую достовѣрность записываемаго; ибо на страницу святой книги „надобно было заносить такую же святую правду, какою была исписана вся книга.“ Такимъ образомъ, по мнѣнію автора—„первые начатки нашей лѣтописи вполнѣ самостоятельны, своенародны, ни откуда не заимствованы, образовались и развились изъ собственныхъ потребностей и нуждъ, и воспроизведены собственными средствами.“ Выдѣленіе лѣтописныхъ извѣстій изъ календарей или пасхальныхъ таблицъ въ одно особое цѣлое, въ лѣтопись—совершилось позднѣе, когда самая Русская земля начала собираться въ одно цѣлое, т. е. около времени Ярослава I. Тогда появилась „Повѣсть Временныхъ лѣтъ,“ опытъ собранія въ одинъ разсказъ разрозненныхъ хронологическихъ замѣтокъ о русскихъ дѣлахъ и мысляхъ, первая попытка написать исторію народа—какъ отвѣтъ на пытливые запросы общественной мысли—откуда и какъ, „пошла русская земля.“ Хотя авторъ и усвояетъ „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ печерскому черноризцу Нестору, но приписываетъ ей происхожденіе вовсе не строго монастырское, а городское. „Городъ въ лицѣ княжеской военной дружины и въ лицѣ дружины торговой, гостиной—первый долженъ былъ почувствовать и сознательно понять, что онъ есть первая историческая сила русской земли, дѣянія которой поэтому достойны всякой памяти. Такъ въ городской средѣ возникла мысль составить и написать „Повѣсть временныхъ лѣтъ.“ Указавъ на просвѣтительное общественное значеніе печерскаго монастыря, авторъ излагаетъ послѣдующую судьбу русскаго лѣтописанія, его отличительныя черты и воззрѣнія лѣтописцевъ, условившихъ внутреннюю правду и искренность ихъ повѣствованій и затѣмъ переходитъ къ объясненію лѣтописныхъ сказаній о разселеніи Славянъ, говоритъ о значеніи Кіева и преданій, соединенныхъ съ его основаніемъ, о родовомъ бытѣ, въ какомъ—по его мнѣнію—застаетъ исторія русскія племена, разли-

чіи патріархальнаго быта отъ родоваго и иныхъ условіяхъ и порядкахъ послѣдняго. Наконецъ, авторъ излагаетъ и обсуждаетъ теоріи ученыхъ относительно возникновенія и образованія городовъ и, неудовлетворяясь господствующими понятіями, предлагаетъ свою теорію, свой взглядъ на образованіе города, какъ дружины, и на исторически промысловую жизнь его. Все изслѣдованіе заканчивается объясненіемъ образовъ города и городоваго быта, открывающихся въ богатырскихъ былинахъ и въ эпическомъ типѣ стольнаго Кіевскаго князя Владиміра. Уже изъ этого бѣглаго обзора содержанія „пятой главы“ труда—достаточно видно и богатство содержанія и высокій историческій интересъ его. При чтеніи этотъ интересъ возрастаетъ столько же оттого, что авторъ съумѣлъ коснуться предмета и нѣкоторыхъ новыхъ сторонъ, столько же и оттого, что отнесся къ нему съ необыкновенною теплотою—если такъ позволительно выразиться—археологически-патріотическаго воодушевленія, которое невольно сообщается и читателю. Достоинства изслѣдованій автора—очень значительны, недостатки въ сравненіи съ ними маловажны. Особенно удачны и во многихъ отношеніяхъ новы тѣ страницы, которые посвящены русскому лѣтописанію: нужды нѣтъ, что авторъ принимаетъ принадлежность „Повѣсти временныхъ лѣтъ“—Нестору—за дѣло рѣшенное и поконченное, что его характеристика наивныхъ, простодушно искреннихъ и правдивыхъ воззрѣній древняго русскаго лѣтописца идеально преувеличена;—главное: постепенный ростъ русскаго лѣтописанія и отличительный характеръ его—поняты правильно и представлены необыкновенно живо. Еще болѣе ученаго достоинства имѣютъ тѣ страницы, которыя относятся исторіи города, его постепеннаго сложенія, быта, порядковъ и стремленій его дѣятельности: въ предметъ темный, очень запутанный искуственными гипотезами, г. Забѣлинъ сразу вноситъ столько свѣта и естественнаго порядка, что его рѣшенія въ главныхъ своихъ частяхъ могутъ быть названы истиннымъ пріобрѣтеніемъ науки. Правда, по направленію своего труда—онъ склоненъ болѣе къ догматическому, чѣмъ къ историко-критическому изслѣдовательному изложенію, но нельзя не видѣть, что догма у него есть только выводъ долговременныхъ предшествовавшихъ изслѣдованій и поисковъ. По важности предмета считаю нужнымъ представить здѣсь основныя мысли автора, хотя только въ сухомъ сжатомъ извлеченіи.

Семья, отдѣляя отъ себя новыя семьи, становятся союзомъ семей

или родомъ; родъ, образуя новые роды, становится союзомъ родовъ, родовой общиной или племенемъ. Въ поземельномъ отношеніи семьѣ отвѣчаетъ дворъ, единичное хозяйство; роду—хутора или деревни (въ древнемъ значеніи сего слова); родовой общинѣ—село=союзъ дворовъ и союзъ селъ или волость. Волость, власть имѣла необходимось въ твердомъ гнѣздѣ, какъ средоточіи, куда за судомъ и правдой тянули родичи, и какъ твердой защитѣ и убѣжищѣ отъ набѣга враговъ и внутреннихъ смутъ.... Такъ возникаетъ община, родовой, волостной городокъ, мѣсто б. или м. укрѣпленное. Въ городкѣ сосредоточивается власть, постоянная стража (дружина). Удобства, соединенныя въ жизни съ городкомъ привлекали подъ его стѣны населеніе, въ особенности если оно занималось торговлей и промысломъ.... Такимъ обр., городокъ или городъ въ древнемъ смыслѣ является головою волости, выразителемъ ея земскаго единства.... Съ размноженіемъ вѣтвей рода, ставшаго волостью—ослаблялось родовое начало; а вмѣстѣ съ тѣмъ въ городкѣ должны были произойти перемѣны: въ немъ собирались уже люди не одного рода, какъ прежде, но разно—родные, выходившіе изъ различныхъ обособившихся родовъ, если и не совсѣмъ чужіе другъ другу по происхожденію отъ одного корня, зато совсѣмъ другіе для каждаго отдѣльнаго родства: возникаетъ общество, которое какъ союзъ другихъ, вполнѣ равныхъ товарищей или друзей—называется дружиною. Городъ становится средоточіемъ дружинныхъ и общинныхъ союзовъ и связей.... Дружинная связь распредѣляетъ людей по иному порядку, чѣмъ прежняя родовая: послѣдняя слѣдовала здѣсь степенямъ родства, первая—„боевому дѣлу"; боевые ряды послужили основаніемъ для рядовъ дружинныхъ, т. е. общественныхъ, иначе сословныхъ. Городокъ въ сущности былъ военной защитой, въ немъ первое мѣсто принадлежитъ людямъ „боеваго поля," и между ними первому—князю, который водилъ и строилъ полки, творилъ судъ и расправу. За княземъ слѣдовали передніе мужи, бояре, потомъ—дѣтскіе, гриди.... Торговый и промышленный людъ, селившійся подъ защитою города, подобно военному—несъ также повинности городской защиты: городъ, какъ военное мѣсто, дѣлалъ каждаго жителя—воиномъ. Горожане, купцы и промышленники въ отношеніи своего воинскаго и вообще городскаго тягла дѣлились на десятки, сотни, тысячи, во главѣ каждой изъ сихъ собирательныхъ единицъ стояли десятскій, сотскій и тысяцкій (старшій изъ бояръ).... Распространеніе малаго городка въ боль-

шой зависѣло отъ выгодъ мѣстности. Наибольшее расширеніе находилъ городъ, стоящій у удобныхъ путей, удобный для торговаго промысла: онъ привлекалъ людей промышленныхъ во всѣхъ видахъ; вблизи его стѣнъ разводились слободки (т. е. жилища людей, независящихъ отъ городскаго тягла), концы, въ общемъ составлявшіе посадъ, съ населеніемъ смѣшаннымъ изъ всякихъ людей, которое въ существенномъ смыслѣ и завязывало узелъ перваго гражданства....

Въ общемъ—какая ясная и правдивая въ своей простотѣ и естественности картина!.... Но—одно замѣчаніе:

Какъ и въ прежнихъ своихъ трудахъ, такъ и теперь—авторъ является рѣшительнымъ послѣдователемъ теоріи родоваго быта, началамъ котораго онъ подчиняетъ всю русскую жизнь до-историческаго времени, и отчасти даже историческаго. Доктрина родоваго быта проведена и примѣнена авторомъ къ русской жизни съ строгою послѣдовательностью, онъ даже съумѣлъ прибавить къ ней отъ себя любопытныя наблюденія о значеніи и дѣйствіи „братняго начала“ въ родѣ.... Тѣмъ не менѣе я позволяю себѣ думать, что теорія родоваго быта г. Забѣлина не есть непосредственный плодъ самостоятельныхъ наблюденій надъ жизнью вообще и русской народностью въ особенности, а принята и усвоена имъ готовою и примѣняется къ объясненію данныхъ русской бытовой исторіи въ такой исключительной, строгой формѣ, какую едвали одобрятъ и сами послѣдователи сего ученія. Нельзя отрицать въ древнемъ русскомъ бытѣ присутствія и дѣйствія родоваго начала: оно есть и требуетъ внимательнаго объясненія, но распространять его на всю жизнь, считать родовой бытъ такою абсолютною, общею формою жизни, которая когда-то господствовала повсюду и единовластно, опредѣляя всѣ условія и порядки быта—нѣтъ рѣшительно никахъ основаній, не говоря уже о данныхъ. Это—чистая фикція и притомъ, какъ показываютъ современныя изслѣдованія древнѣйшей бытовой исторіи человѣчества—вовсе не необходимая. Теорія „чистаго“ родоваго быта возникла въ русской исторической наукѣ въ то время, когда сравнительное языкознаніе только что пробовало свои силы надъ возсозданіемъ древнѣйшаго быта племенъ и установкой ихъ генеалогіи; тогда естественно было слова лѣтописи о древнѣйшемъ бытѣ русскихъ племенъ понимать въ прямомъ, буквальномъ смыслѣ, выводить отсюда полное господство родоваго быта, отчужденность и разрозненность родовъ,—объяснять этимъ брачную умычку и т. д.; тогда можно было незамѣ-

чать, что принимая все это за истину—должно будетъ существованіе и возрастъ славянскихъ племенъ считать двумя-тремя сотнями лѣтъ. Теперь—нѣтъ сомнѣнія—эта увлекательная теорія (объяснившая, впрочемъ—очень многое частное въ исторіи Руси)—требуетъ новаго пересмотра, и перестройка должна быть измѣнена согласно съ успѣхами лингвистики, археологіи и этнологіи. Нельзя сомнѣваться, что при этомъ во многомъ измѣнятся и тѣ историческіе взгляды и объясненія, которые прямо вытекали изъ прежней теоріи родоваго быта. Замѣтимъ здѣсь, что во второмъ томѣ „Исторія русской жизни" г. Забѣлинъ значительно отходитъ отъ теоріи родоваго быта, которую онъ пытался приложить въ томѣ первомъ. Но этого я коснусь далѣе, при разборѣ относящейся сюда части „Исторіи"....

Миѳологически—бытовыя объясненія, какія даетъ авторъ „Трояну" Слова о Полку Игоревѣ, будто бы выражающему „идею трехъ братняго рода" и стоящему въ связи съ „несомнѣнными наслѣдниками тѣхъ же миѳическихъ созерцаній" тремя братьями скиѳскими, кіевви варяжскими—едвали могутъ быть приняты: имъ недостаетъ прочнаго основанія; но принадлежность „трехъ братьевъ" къ области народнаго поэтическаго творчества—авторомъ указано вѣрно и подтверждается народной сказкой. Мысль автора, что былинный князь Владиміръ—есть эпическій образъ стольнаго города—есть предположеніе, основанное на чертахъ внѣшняго совпаденія. Притомъ же объясненія бездѣйствія, безсилія и трусости былиннаго Владиміра (578—9) стоитъ въ рѣшительномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что авторъ вообще говоритъ о доброй дѣятельности города и князя.

Этимологическія сопоставленія словъ: князя съ конъ, Кія—и именемъ Хуновъ или Хоановъ, бояре со словомъ бой—ничего, конечно—не прибавляютъ къ достоинствамъ труда.

Приложенія, кромѣ вышеуказанной статьи о „Скиѳскихъ могилахъ"—содержатъ въ себѣ выдержки изъ Космографіи „Меркатора" о Ругіѣ и Поморьѣ и сборникъ славянскихъ и нѣмецкихъ мѣстныхъ именъ, извлеченный изъ одной старой карты. Ономастиконъ, выбранный изъ поморскихъ, мекленбургскихъ и бранденбургскихъ грамотъ и изъ книги Фидицина „Territorien d. Mark Brandenburg" былъ бы, конечно, болѣе полезенъ и желателенъ.

II.

Переходя къ разсмотрѣнію в т о р а г о т о м а труда г. Забѣлина, невольно чувствуешь какую-то перемѣну исторической атмосферы: чѣмъ болѣе отодвигаются въ глубь темныя судьбы темныхъ народцевъ, пребывавшихъ когда-то на русской землѣ, чѣмъ менѣе встрѣчается надобность въ Гуннахъ, Роксоланахъ, Бастарнахъ и т. д., тѣмъ увеличиваются и растутъ достоинства изложенія автора; чѣмъ менѣе представляется надобность въ норманно-варяжскомъ вопросѣ и такъ назыв. „нѣмецкихъ теоріяхъ“ происхожденія Руси, тѣмъ спокойнѣе, а потому и осмотрительнѣе—становится изслѣдованіе автора. Мѣстами еще появляются „послѣднія тучи разсѣянной бури;“ но только мѣстами....

П е р в а я г л а в а втораго тома посвящена изложенію „заселенія русской страны Славянами.“ Авторъ идетъ отъ твердой точки, отъ знаменитаго фотіевскаго упоминанія о народѣ Росѣ, въ которомъ справедливо видитъ русское-славянское племя, а не норманнскую дружину.... На вопросъ о томъ, что было до этого—отвѣчаютъ, по его мнѣнію, п р е д а н і я, находящіяся въ лѣтописи. Спору нѣтъ, что сіи „преданія“ имѣютъ немалую этнографическую важность; но едва-ли они должны быть принимаемы безъ критическаго разбора: преданіе преданію рознь, и я сомнѣваюсь, чтобы, по разборѣ дѣла, въ числѣ народныхъ преданій историческаго содержанія могли быть удержаны разсказы, что Христіанство „было проповѣдываемо славянскому языку еще самыми Апостолами,“ что „Россы прозвались своимъ именемъ отъ нѣкоего храбраго Росса, послѣ того, какъ имъ удалось спастись отъ ига народа, овладѣвшаго ими и „угнетавшаго ихъ“... Послѣднее—несомнѣнно псевдоисторическій вымыселъ византійца, а проповѣдь Андрея—несомнѣнно „странствующая повѣсть,“ только пріобрѣвшая мѣстный колоритъ. Можно сомнѣваться также, что разсказъ о разселеніи славянскихъ племенъ съ Дуная долженъ быть понимаемъ въ смыслѣ общеславянскаго, а не частнаго преданія: переселиться отсюда могло какое нибудь племя, или нѣсколько мелкихъ племенъ, но чтобы отсюда пошли всѣ Славяне, это—не только невѣроятно, но даже не мыслимо. Переходя къ разсмотрѣнію древности славянскихъ поселеній на русской землѣ (съ цѣлью узнать старую исторію н о в а г о города), г. Забѣлинъ прежде прочаго останавливается на „историческихъ результатахъ Сравнительнаго Языкознанія“ по отношенію къ первобытнымъ Арій-

цамъ и Славянамъ. Онъ руководствуется здѣсь почти исключительно „Краткимъ Очеркомъ" Шлейхера и сочиненіемъ Воцеля: „Pravěk země české".... Какъ ни живо представленъ сей бѣглый очеркъ,—онъ все же недостаточенъ и нуждается въ поправкахъ и пополненіяхъ. На это въ наукѣ существуютъ уже и достаточныя средства. Возраженія автора Шлейхеру на счетъ чужеземности словъ: „к ъ н я з ь, х л ѣ б ъ, с т ь к л о, п ѣ н я з ь" (стр. 17—19) слишкомъ неопредѣленны и не убѣдятъ никого въ славянскомъ ихъ происхожденіи. Мнѣніе, что разселеніе Арійцевъ „вѣроятно происходило еще въ тѣ времена, когда Аральское, Каспійское, Азовское и Черное море составляли одно средиземное море между Европою и Азіей (стр. 10)" не имѣетъ ровно никакихъ основаній. Я не упомянулъ бы, впрочемъ—объ этой частности, если-бы она въ послѣднее время не дала поводъ къ одной фантастической попыткѣ опредѣлить „мѣсто первоначальнаго обособленія славянскаго племени и направленіе его движеній по отношенію къ Черному морю," [4]) попыткѣ будто-бы „основанной на данныхъ филологіи," на самомъ же дѣлѣ рѣшительно не имѣющей съ послѣдними ничего общаго.... Съ большою вѣроятностью первоначальнымъ обиталищемъ обособившихся Славянъ—авторъ считаетъ мѣстность Южной Руси и преимущественно днѣпровскаго бассейна. Есть данныя, говорящія прямо въ пользу сей мысли. Одно, между прочимъ—очень любопытное, было указано въ послѣднее время проф. Гатталой, именно постоянство во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ выраженія „черна-земля," указывающее, что оно принадлежало Славянамъ еще въ эпоху ихъ нераздѣльности и образовалось въ „полосѣ чернозема" т. е. въ Южной-Руси. (см. „Brus jazyka českého" p. 23—27). Кромѣ П о н т і й с к о й—о с н о в н о ю в ѣ т в ь ю первоначальныхъ Славянъ авторъ считаетъ и б а л т і й с к у ю.... Правда на балтійскомъ поморьѣ Славяне являются со временъ незапамятныхъ; но утверждать, что древность ихъ балтійскаго мѣстопребыванія равняется древности мѣстопребыванія понтійскаго —запрещаютъ многія обстоятельства, которыхъ никакъ нельзя устранить ироническими отзывами о „притязаніяхъ нѣмецкой учености" (стр. 27).... Не подлежитъ сомнѣнію, что рѣшеніе Шафарика, Шельца и др. на счетъ относительно поздняго занятія

---

[4]) Рѣчь А. Некрасова. Каз., 1879.

Славянами балтійскихъ земель—нуждается во многихъ поправкахъ, ограниченіяхъ и вообще въ пересмотрѣ, но нельзя сомнѣваться и въ томъ, что нѣмецкое заселеніе Европейскаго сѣвера, Даніи, Скандинавскаго полуострова и даже Литвы—случилось ранѣе пришествія Славянъ въ балтійскія земли. Древнѣйшія извѣстія о торговлѣ янтаремъ—по своей неопредѣленности—ничего не даютъ для утвержденія глубокой древности Славянъ на Балтійскомъ поморьѣ, кромѣ одного имени Венетовъ, имени не славянскаго и не всегда обозначавшаго Славянъ. Да и не странно-ли: Славяне съ незапамятныхъ временъ ведутъ торговлю янтаремъ, а между тѣмъ не имѣютъ даже собственнаго термина сему предмету, ибо всѣ извѣстныя наименованія янтаря принадлежатъ или Грекамъ (ἤλεκτρος), или Нѣмцамъ (glaesum, glas, Bernstein brennstein), или Литвѣ (jentaras), или народамъ Востока, но не Славянамъ, которые пользовались названіемъ Литовскимъ.... Вообще, дѣло съ „славянскимъ янтаремъ“ заслуживало бы такого тщательнаго пересмотра, каковъ сдѣланъ былъ Мюлленгофомъ относительно „янтаря нѣмецкаго;“ [5]) а до той поры для науки выгоднѣе будетъповоздержаться отъ рѣшительныхъ заключеній отъ янтаря къ „Славянской Древности.“

„Глубокая древность славянскихъ поселеній на Балтійскомъ морѣ „—по словамъ автора (стр. 33), больше всего можетъ подтверждаться „скандинавскими сагами, которыя много разсказываютъ о Ванахъ и „Венедахъ, Вильцахъ—Велетахъ, о странѣ Ванагаймъ.... Въ послѣд„ствіи героями скандинавскихъ и нѣмецкихъ преданій становятся „Гунны съ ихъ царемъ Аттилой. По всѣмъ видимостямъ—это была „только перемѣна звука въ имени тѣхъ же Вановъ—Вендовъ, ибо „Гуналандъ—земля Гунновъ помѣщается точно также на Востокѣ Бал„тики, гдѣ находилось царство Аттилы, содержавшее въ себѣ 12-ть „сильныхъ королевствъ. „Все принадлежало ему отъ моря до моря,“ „какъ говорятъ саги, подтверждая извѣстіе Приска, что Аттила бралъ „дань съ острововъ океана, т. е. Балтійскаго моря. Славянство Гун„новъ ничѣмъ не можетъ быть лучше подтверждено, какъ именно эти„ми сѣверными сагами“ (стр. 33).

Здѣсь цѣлый рядъ не точно переданныхъ историческихъ данныхъ и невѣрныхъ отсюда заключеній. „Славянство“ Вановъ есть чистая

---

5) Müllenhof: Deutsche Alterthumskunde, B. 1870, p. 211 sq.

гипотеза Суровецкаго и Шафарика, основанная единственно на случайномъ созвучіи словъ Vanir и Vindr. Мнѣніе Я. Гримма (DM. 199), что образы Вановъ въ Эддѣ слишкомъ ярко отмѣчены миѳологическимъ характеромъ, чтобы допускать историческое объясненіе—должно остаться во всей своей силѣ. Свидѣтельства скандинавскихъ сагъ о Виндахъ, Вильцахъ—Велетахъ не могутъ служить свидѣтельствами глубокой древности Славянъ на балтійскомъ Поморьѣ, потому что относятся и указываютъ на очень позднее время, на X—XII столѣтіе, почти никогда—на время болѣе раннее. Въ ложной постановкѣ является роль Аттилы и Гунновъ въ скандинавскихъ и нѣмецкихъ преданіяхъ: по мысли автора—эти „герои" замѣнили собою прежнихъ Вановъ—Вендовъ, слегка измѣнившись въ имени.... Для такого утвержденія столь же мало основанія, сколько и для самой этимологіи автора.

Ваны не стоятъ ни въ какой связи съ Гуннами. Н ѣ м е ц к і я и с к а н д и н а в с к і я п р е д а н і я не только не указываютъ на Славянство Гунновъ вообще и балтійское ихъ Славянство въ частности, но во многихъ статьяхъ свидѣтельствуютъ прямо противъ такого взгляда, потому что съ одной стороны прикрѣпляютъ родъ Аттилы и его царство къ Нидерландамъ и Фризіи, съ другой распространяютъ ихъ и на другія страны, придунайскія и даже италійскія [6]). Это географія и этнологія—миѳическія, рожденныя и выросшія подъ вліяніемъ преданій о грозномъ Аттилѣ и его царствѣ. Понятно, что именами „Hunaland," „Chunigard" могли обозначаться и страны, заселенныя Славянами и русскій Кіевъ и вся Русь; „quod ibi—какъ объяснялъ схоліастъ къ Адаму (IV, II)—sedes Hunnorum primo fuit".... но пользоваться такимъ наименованіемъ для утвержденія славянства Гунновъ—будетъ большою исторической ошибкою, ибо тогда съ одинакимъ правомъ можно было бы напр. утверждать, что русскіе Славяне—п р о и с х о ж д е н і я г р е ч е с к а г о, ибо въ сѣверныхъ источникахъ и у Адама бременскаго Русь иногда именуется Греціей.... Вообще говоря, я невижу, чѣмъ разъясняетъ балтійско-славянскую и въ частности рус-

---

[6]) Мѣста изъ нѣмецкихъ и сѣверныхъ источниковъ о H u n a l a n d'ѣ собраны въ сочиненіи П е т е р с е н а: „Ueber die geographische Kenntniss der alten Bewohner des Nordens" въ Lüdde's Zeitschrift für Erdkunde, Bd. VII, стр. 81 sq.

скую исторію—это привлеченіе къ родству Гунновъ: неизвѣстное и темное объясняется еще менѣе извѣстнымъ и темнѣйшимъ,—и въ выводѣ, конечно, получается искусственная гипотеза, столь-же темная, запутанная и ненужная....

Древнѣйшіе пути вендскихъ колонистовъ по русской странѣ, поселеніе Руси на Нѣманѣ—опредѣляются авторомъ на основаніи извѣстныхъ историческихъ данныхъ и свидѣтельствъ: онъ только даетъ имъ иное направленіе, сообразное съ своими понятіями, такъ сказ. иначе приспособливаетъ ихъ.

Для утвержденія мнѣнія, что область нижняго Нѣмана была заселена Славянами—можно требовать болѣе твердыхъ доказательствъ, чѣмъ одни голыя указанія на топографическіе наименованія отъ корня Рус; равнымъ образомъ—позволительно считать „вѣрное“ (по автору) толкованіе имени „Пруссовъ,“ „Пруссіи“—этимологіей „Поруссовъ,“ „Порусья“—не только невѣрнымъ, но и совсѣмъ ложнымъ: выпаденіе звука о шло бы противъ стремленія языка къ облегченію выговора, а наименованіе со звукомъ о не встрѣчается ни въ одной документально засвидѣтельствованной формѣ сего слова; вездѣ стоитъ Pruzzi, Pruzia, Prussia, Prussi, Prutia, Pruci, Пруссы, Пруссія и т. д. (Наименованіе Borussia—сюда не идетъ: оно не народное, а книжноученое) Поросье—форма правильная, но Порусы—въ смыслѣ племенномъ—неслыханная и не возможная [7]).

Колонизація балтійскими Славянами новгородскаго края—намъ представляется предположеніемъ весьма вѣроятнымъ, хотя едвали можно утверждать, что такимъ путемъ произошло общее заселеніе края: промышленно-торговое населеніе шло съ запада, съ моря, а сельское, земледѣльческое—съ юга, по твердой землѣ.

Нова и во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія попытка г. Забѣлина опредѣлить пути, по которымъ шло славянское разселеніе отъ Нѣмана до Бѣлоозера. Указаніе мѣстныхъ именъ славянскаго происхожденія, для правильныхъ историческихъ выводовъ—конечно—имѣютъ нужду еще въ хронологическомъ распредѣленіи, такъ какъ они представляютъ такъ сказать сумму многовѣковаго движенія славянскихъ

---

7) Mahn: Etymologische Untersuchungen:.... „Ueber die Ursprung und die Bedeutung der Namens Preussen,“ B. 1856, c. 1—16.

колонистовъ; но во всякомъ случаѣ попытка заслуживаетъ добраго признанія, и цѣна ея несомнѣнно возростетъ, если авторъ—хотя впослѣдствіи—нанесетъ на географическую карту тѣ вѣхи, которыя онъ поставилъ и отмѣтилъ теперь лишь на письменномъ листѣ.

Заключительныя соображенія автора о промышленно-торговомъ характерѣ дѣятельности русскаго сѣвера (ст. 63—79) въ высокой степени замѣчательны и интересны, даже и помимо своего отношенія къ варяго-славянскимъ гипотезамъ автора. Основная мысль указывалась въ русской исторической наукѣ, по сколько знаемъ—нигдѣ съ такою ясностью изложенія и здравымъ толкомъ-разумомъ, какъ у г. Забѣлина. Потому я нахожу не излишнимъ отмѣтить и привести тѣ изъ его соображеній, которыя представляются особенно важными или мѣткими.

Въ дѣятельности промысловой общины скрывается—по мнѣнію г. Забѣлина—наша истинная исторія, начавшаяся очень рано, неизмѣнно продолжавшаяся и въ послѣдующее время, но невидимо „закрытая неугомоннымъ, но для страны бѣдственнымъ шумомъ княжескихъ мелкихъ дѣлъ, старательно изображаемыхъ лѣтописью и принимаемыхъ нами за голосъ самой всенародной жизни."

„Великимъ и могущественнымъ типомъ промысловаго города въ теченіи всей нашей древней исторіи является Новгородъ. Онъ же былъ и зародышемъ нашей исторической жизни. Мы думаемъ, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ полнымъ выразителемъ тѣхъ жизненныхъ бытовыхъ началъ, которыя съ теченіемъ вѣковъ постепенно наростали и развивались отъ вліянія проходившихъ черезъ нашу равнину торговыхъ связей. Онъ былъ славнымъ дѣтищемъ неизвѣстной, но очень старой исторіи, прожитой Русскою страною безъ всякаго такъ называемаго историческаго шума.

Исходную точку торговой и промышленной дѣятельности русскаго сѣвера—авторъ находитъ не на новгородской почвѣ и не у Норманновъ, а на южномъ побережьи балтійскаго моря, у вендскихъ Славянъ, которые принесли къ намъ и начала гражданственности совершенно иныя, чѣмъ приносили обыкновенно Норманны.

„Исторія Новгорода показываетъ, что этотъ промышленный нравъ, „эта необыкновенная предпріимчивость и горячая бойкая подвижность, „едва ли могли народиться и воспитаться внутри страны, выйдти, такъ „сказать, изъ собственныхъ домашнихъ пеленокъ."

„Ильменскій Словѣнинъ, постоянно думаетъ о моряхъ и, живя „вблизи Балтійскаго моря, хорошо знаетъ дорогу и въ Черное, такъ „что увѣковѣчилъ своими именами даже Днѣпровскіе пороги, по ко„торымъ слѣдовательно плавалъ, какъ по давнишнему протореному „пути. Онъ больше всего думаетъ о Царе-Градѣ, о всемірной столицѣ „тогдашняго времени; но не меньше думаетъ и о Хозарахъ, гдѣ Арабы „сохраняютъ его имя въ названіи главной Славянской рѣки (Волги, а „также и Дона),въ названіи даже Черноморской страны Славянскою, „при чемъ и Волжскіе Болгары и самые Хозары являются какъ бы „на половину Славянами. Такъ широко распространялось Славянское „имя и по Каспійскому морю. Вообще должно сказать, что морская „предпріимчивость Славянъ уже въ IX в. обнимаетъ такой кругъ тор„говаго промысла, который и въ послѣдующія столѣтія не былъ об„ширнѣе, и затѣмъ постепенно даже сокращался. Ясно, что это добро „было нажито многими вѣками прежней, незнаемой исторіи. Возможно „ли, чтобы эта обширная мореходная предпріимчивость зародилась сна„чала только въ предѣлахъ Ильменя озера и оттуда перешла на бли„жайшія, а потомъ и на далекія моря, распространившись вмѣстѣ съ „тѣмъ и по всей равнинѣ. Намъ кажется, что этотъ морской нравъ „Ильменскихъ Славянъ, которымъ ознаменованы всѣ начальныя пред„пріятія Русской земли, зародился непремѣнно гдѣ-либо тоже на мор„скомъ берегу, или по крайней мѣрѣ воспитывался и всегда руково„дился самыми близкими и постоянными связями съ моремъ. Большое „озера или большая рѣка внутри равнины, каковы были Ильмень для „Новгорода и Днѣпръ для Кіева, если и развиваютъ въ людяхъ из„вѣстную отвагу и предпріимчивость, то все таки ограничиваютъ кругъ „этой предпріимчивости предѣлами своей страны. Все, что могъ вы„разить Кіевъ въ своемъ положеніи, это—только служить проводни„комъ къ морю, что онъ и исполнилъ съ великою доблестью. Но мор„ская жизнь въ ея полномъ существѣ не была ему свойственна, не „могла въ немъ развить характеръ истиннаго поморянина. Тоже дол„жно сказать и о Новгородѣ."

„Поэтому весьма трудно повѣрить, чтобы Русская морская отвага „первыхъ вѣковъ народилась и развилась изъ собственныхъ, такъ ска„зать, материковъ началъ жизни. Поэтому очень естественнымъ ка„жется, что первыми водителями Русской жизни были именно Нор„манны, какъ говорятъ, единственные моряки во всемъ свѣтѣ и во

„всей средневѣковой исторіи.... Но исторія на ряду съ Норманнами, „очень помнитъ другое племя, ни въ чемъ имъ не уступавшее, и даже превосходившее ихъ всѣми качествами не разбойной, но промышленной, торговой и земледѣльческой жизни.

„Какъ на Западѣ были важны Норманны, въ той же степени велики были для востока—Варяги-Славяне, обитатели южнаго Балтійскаго „побережья.

„И тамъ и здѣсь люди моря, отважные мореходы, вносятъ новыя „начала жизни. Но только въ этомъ обстоятельствѣ и оказывается видимое сходство историческихъ отношеній. Затѣмъ, во всѣхъ подробностяхъ дѣла идетъ полнѣйшее различіе. Тамъ—эти моряки завоевываютъ землю, дѣлятъ ее по феодальному порядку, вносятъ самодержавіе, личное господство и коренное различіе между завоевателемъ и „завоеваннымъ, образуютъ два разряда людей—господъ и рабовъ, совсѣмъ отдѣляютъ себя отъ городскаго общества и на этихъ основахъ „развиваютъ дальнѣйшую исторію, которая даже и въ новыхъ явленіяхъ осязательно раскрываетъ свои начальные корни.

„Наши Русскіе Варяги, какъ Славяне, наоборотъ, вовсе не приносятъ къ намъ этихъ благъ Норманскаго завоеванія. Они являются къ „намъ съ своимъ славянскимъ добромъ и благомъ. Какъ отважные моряки, они приносятъ намъ промысловую и торговую подвижность и „предпріимчивость, стремленіе проникнуть съ торгомъ во всѣ края нашей равнины. Это добро главнымъ образомъ и служитъ основаніемъ „для постройки Русской народности и Русской Исторіи. Затѣмъ, они „приносятъ однородный нравъ и обычай, однородный языкъ, однородный порядокъ всей жизни; никакого дѣленія земли, никакого раздѣленія на господъ и рабовъ, никакой обособленности отъ городской „общины и т. т. Все это, какъ однородное и хотя бы по характеру „мѣстъ нѣсколько различное сливается въ одинъ общій историческій „потокъ и пришельцы совсѣмъ исчезаютъ въ немъ, не оставляя яркихъ „слѣдовъ и способствуя только быстротѣ развитія первоначальной Русской славы и исторіи" (стр. 63—73).

Изъ всего сказаннаго мною доселѣ—ясно, что историческое достоинство первой главы II т. сочиненія г. Забѣлина—неравномѣрно: тамъ, гдѣ авторъ имѣетъ дѣло съ отдаленною древностью, онъ является нестолько изслѣдователемъ, сколько адвокатомъ своей теоріи, подбирающимъ все то, что по его мнѣнію свидѣтельствуетъ въ пользу ея,

причемъ не всегда имѣетъ въ виду требованія исторической и лингвистической критики: есть неправильныя объясненія свидѣтельствъ, есть невозможныя этимологіи (кромѣ указанныхъ выше: В а р - я - г ъ производится отъ в а р - і а - ю (34, 66), несмотря на несогласимую разницу въ звукахъ; С в е в ы этимологически отожествляются со С л а в я н а м и (51), А н т ы съ В е н д а м и, В я т и ч а м и=У н н а м и=В а н а м и (стр. 61). Въ пучинѣ темныхъ народовъ и смѣшеніи языковъ авторъ видимо теряется, а потому и изложеніе его производитъ смутное, затрудняющее впечатлѣніе....; но какъ скоро онъ изъ царства тѣней и мрака выходитъ на болѣе твердую дорогу, какъ въ только что приведенныхъ нами его созерцаніяхъ, такъ мы снова встрѣчаемся съ тою ясностью мысли и изложенія и съ тѣми историческими достоинствами, которыя русская наука давно и достойно оцѣнила въ авторѣ „Домашняго быта русскихъ царей“ и иныхъ многихъ замѣчательныхъ историческихъ изслѣдованій....

Со в т о р о й г л а в о й авторъ выходитъ въ положительную исторію: онъ разсматриваетъ „начало русской самобытной исторической жизни:“ поселеніе Новгорода и его топографію (разумѣется сообразно съ теоріей славяно-варяжской колонизаціи его), говоритъ объ устройствѣ новгородской жизни до призванія князей и отсюда прямо выходитъ къ „изгнанію“ Варяговъ и „призванію“ Варяго-Руссовъ. По его мнѣнію „изгнанные Варяги были—Оботриты, а „призванные“—Ругенцы—Велеты.... „Призваніе“ вытекало изъ требованій с у д а и р я д а и власти. Передавая свѣдѣнія о томъ, какъ должны были итти начальныя дѣла перваго времени, „лѣтопись въ лицѣ Рюрика рисуетъ свои понятія о значеніи для земли князя, о его правахъ—владѣть землею, о его обязанностяхъ воевать, городки рубить, сажать въ нихъ своихъ мужей, раздавать волости мужамъ....“ Съ Аскольдомъ и Диромъ авторъ переходитъ на Югъ, въ Кіевъ, указываетъ на важное значеніе мѣстности для исторической жизни Руси, особенно въ отношеніи торговой и промышленной дѣятельности, какъ центра или сборнаго мѣста промысловой жизни всего Сѣвера, мѣста, „передвигавшаго эту жизнь и прямо на Югъ, въ греческій Царьградъ и на Юго-Востокъ къ древнему Таманю-Воспору, и къ берегамъ Каспія въ страну Хозаръ....“ Съ образованіемъ или „усѣстомъ“ варяжской дружины въ Кіевѣ, послѣдній обнаруживаетъ „задатки совсѣмъ иного развитія, чѣмъ было прежде въ родовомъ или промысловомъ городкѣ;“ въ немъ

появляется „то завоевательное, военно-дружинное начало, которое впослѣдствіи охватило всю землю и покрыло своею славою прежнія, только союзныя и промысловыя отношенія земли, какія развивалъ съ давняго времени по преимуществу одинъ Новгородъ....“ Старѣйшина Новгородъ не могъ остаться равнодушнымъ къ усиленію Кіева и самостоятельному отчужденію его: это мѣшало свободному теченію всей сѣверной жизни, а потому, выражаясь словами автора, онъ „собравши Варяговъ и военныя дружины подвластныхъ или союзныхъ городовъ Чуди, Славянъ, Мери, Веси, Кривичей—переселился торжественнымъ походомъ на южный конецъ большой дороги, поближе къ тому великому всемирному торжищу, къ которому и былъ проложенъ этотъ завѣтный путь „изъ Варягъ въ Греки“....

Знакомый съ дѣломъ замѣтитъ, что сей отдѣлъ „Исторіи русской жизни“ не бѣденъ новымъ содержаніемъ, конечно не въ отношеніи матерьяла, а въ объясненіи его.... Мною представленъ лишь общій сухой скелетъ его; но есть у автора не мало частныхъ мыслей —соображеній, которыя на мой взглядъ очень удачны и составляютъ „приращеніе“ русской исторической науки.... Они заслуживаютъ быть указаны.

Таково, прежде прочаго, мнѣніе, что „Кіевъ не былъ городомъ какого либо одного племени, а народился (я сказалъ бы: выросъ) изъ сборища всякихъ племенъ, изъ прилива вольныхъ промышленниковъ и торговцевъ отъ всѣхъ окрестныхъ городовъ и земель“.... Авторъ нѣсколько переходитъ границу исторической дѣйствительности, когда говоритъ, что такимъ Кіевъ былъ „с ъ с а м а г о с в о е г о з а р о ж д е н і я;“ но мысль его—совершенно вѣрна въ отношеніи эпохи роста и расширенія города.

Хотя и трудно согласиться съ тѣмъ аллегорическимъ толкованіемъ, какое даетъ авторъ авторъ преданію „о перевозчикѣ Кіѣ“ [8]), по выска-

---

[8]) „Сказаніе о перевозникѣ быть можетъ еще вѣрнѣе обозначаетъ „древнѣйшее значеніе Кіева для всей Русской страны. Какъ перевозникъ, Кіевъ былъ посредникомъ сношеній западной стороны Днѣпра „съ восточною, то есть съ Дономъ, Волгою и Каспіемъ; но въ тоже „время, какъ перевозникъ, онъ на самомъ дѣлѣ былъ посредникомъ и „пособникомъ въ сношеніяхъ далекаго сѣвера съ Черноморскимъ югомъ

занныя имъ по этому поводу соображенія о судоходной, рѣчной и морской дѣятельности русскихъ племенъ, жившихъ по Днѣпру—вполнѣ справедливы: „ихъ морскіе походы—говоритъ нашъ авторъ, вызывались „самымъ положеніемъ мѣстности, на которой онъ жилъ и, конечно— „торговыми связями съ Греками, равно какъ и враждебными отноше- „ніями и къ Грекамъ и другимъ приморскимъ сосѣднимъ народамъ....; „во всей той исторіи, тянувшейся болѣе тысячи лѣтъ, Норманнамъ „вовсе не остается никакаго мѣста. Если въ 9 и 10 вв. они и плавали „по нашимъ рѣкамъ, то все таки при посредничествѣ нашихъ же плов- „цовъ и въ полной зависимости отъ нашихъ же хозяевъ земли. При- „томъ плаванье на лодкахъ по морю еще не столько отважно и зна- „чительно, какъ переправа съ большимъ караваномъ именно чрезъ „Днѣпровскіе пороги. Здѣсь была необходима особая школа, которая „могла возродиться только вѣками и усиліями цѣлаго ряда поколѣній. „Никакая вновь пришедшая дружина Норманновъ и какихъ бы то ни „было мореходовъ—не могла руководить этою переправою, по простой „причинѣ—по незнанію всѣхъ мѣстныхъ подробностей и обстоятельствъ „плаванья. Знакомство же съ этими обстоятельствами пріобрѣталось не „иначе, какъ опытомъ цѣлой жизни, при помощи всякаго наука отъ „старыхъ пловцовъ, при помощи живыхъ преданій отъ поколѣнія къ „поколѣнію.... Кто же другой могъ быть такимъ знающимъ вождемъ „въ этой (трудной) переправѣ, какъ не живущее здѣсь же племя ту- „земцевъ....? „Какой другой мореходный народъ“ могъ знать всѣ камни „и омуты и всѣ извилистыя быстрины этого порожистаго потока, какъ „не тотъ самый, для котораго переправа чрезъ пороги съ незапамят- „наго времени составляла задачу существованія, главнымъ образомъ „задачу промышленной и торговой жизни?

„Въ этомъ смыслѣ преданіе о первомъ человѣкѣ Кіева справед- „ливо разумѣетъ въ немъ перевозника на тотъ берегъ и къ Каспію „отъ западныхъ земель, и къ Цареграду отъ нашихъ верхнихъ земель. „Въ этомѣ смыслѣ, какъ перевозникъ Кіевъ пріобрѣтаетъ особое зна- „ченіе для древне-русской жизни вообще. Онъ является главнѣйшимъ „посредникомъ торговыхъ сношеній сѣвера съ Югомъ и Запада съ

„и, въ качествѣ такаго посредника—всегда былъ принимаемъ въ Ца- „реградѣ съ немалою почестью“.... (стр. 98).

„Востокомъ по той особенно причинѣ, что въ своихъ рукахъ держитъ „всю работу опасной переправы къ Царьграду, что несетъ на своихъ „плечахъ всѣ тягости этой трудной переправы и свободно отворяетъ „ворота изъ всей русской земли въ самый Царьградъ....“

Объясненіе мѣстнаго преданія о Кіѣ перевозчикѣ такимъ широкимъ и при томъ ясно сознаннымъ смысломъ объ историческомъ значеніи Кіева имѣетъ, конечно, болѣе поэтическій, чѣмъ научный характеръ (едва-ли напр. можно думать о какомъ нибудь участіи Кіевлянъ въ переправѣ чрезъ пороги); но главная мысль автора отъ этого не страдаетъ и не теряетъ своей цѣнности.

Въ меньшей степени можно раздѣлить мысль автора о томъ, что съ развитіемъ походовъ чрезъ пороги въ Кіевѣ необходимо должна была возникнуть и военная дружина, потому что кіевскіе лодочники—перевозники необходимо должны были къ своему товариществу весла присоединить и товарищество меча.... Послѣднее вполнѣ справедливо, но вовсе не составляло необходимаго условія для перваго: дружина въ Кіевѣ могла образоваться и независимо отъ этого, для цѣлей ли защиты отъ обидящихъ сосѣдей, или съ цѣлями добычи, пріобрѣтаемой сухими путями.

Еще менѣе причинъ согласиться съ предположеніями автора о томъ, что „Варяги изгнанные“ были Оботриты, а „Варяги призванные“—Велеты.... Для такого утвержденія нѣтъ никакихъ данныхъ, и тѣ „наведенія,“ какими руководствуется авторъ, вытекаютъ изъ необходимости какъ нибудь объяснить дѣло, а не изъ историческихъ данныхъ: что Велеты съ половины 9-го вѣка „умолкаютъ“ на Западѣ,—это вовсе не потому, что дружины ихъ ушли на Востокъ, и сосредоточились въ Кіевѣ, а потому что западные лѣтописцы чаще называютъ ихъ не частнымъ, а общимъ именемъ „Славянъ“ или „Венедовъ,“ да къ тому же они вовсе и не „умолкаютъ,“ а много разъ упоминаются въ X, XI, XII вв. Далѣе—мнѣніе, что Рюгенцы принадлежали къ племени Велетовъ—также не имѣетъ исторической опоры: скорѣе всего это были Поморяне, племя отличное отъ Велетовъ и отличаемое въ источникахъ. Такимъ образомъ одно изъ двухъ: или „призванные Варяги“ были отъ Велетовъ,—тогда Рюгенцы—непричемъ, а съ ними и авторовы Руги, Роги, Росы, Русы; или были призваны послѣдніе,—тогда разысканія о Велетахъ напрасны.

Столь же мало состоятельно мнѣніе, что въ числѣ причинъ для

новгородскаго занятія Кіева и убійства Аскольда и Дира было христіанство послѣднихъ и ихъ мнимое руководительство въ распространеніи новой вѣры (стр. 113). Кажется, что предъ авторомъ здѣсь незамѣтно носился образъ религіозной нетерпимости у балтійскихъ Славянъ...., но тамъ была на то уважительная политическая причина, а у Новгородцевъ ее не было и быть не могло.... Безъ особыхъ причинъ —язычество вообще не бывало нетерпимымъ....

Изложеніе топографіи Новгорода—не мало выиграло бы, если бы поясплялось приложеніемъ плана. Здѣсь, къ слову о топографіи Новгорода—не могу не высказать одного недоумѣнія: „варяжское" мѣсто въ Новгородѣ очень незначительно, почти незамѣтно... Какимъ образомъ могло статься это, когда весь Новгородъ—по предположенію автора—былъ варяжскій, т. е. основанъ славянскими Варяго-руссами?! Одно изъ указаній противъ Славянства Варяговъ....

Глава третья излагаетъ дѣла Олега и Игоря и главнымъ образомъ ихъ отношенія къ Грекамъ; походы въ Византію, договоры съ нею, разсматриваетъ тексты послѣднихъ въ смыслѣ историческихъ памятниковъ (источниковъ) русской гражданственности, т. е. насколько отражаются въ нихъ черты общественнаго и политическаго быта Руси той эпохи; говоритъ о походахъ и набѣгахъ Руси на Востокъ, на Уличей и на Древлянъ и заканчиваетъ смертью Игоря.

Изложеніе представляетъ критикѣ менѣе поводовъ къ разногласіямъ общаго характера, но въ частностяхъ она найдетъ ихъ довольно, и иногда такихъ, къ которымъ должна отнестись съ неодобреніемъ. Укажемъ важнѣйшее. Таково—прежде прочаго—объясненія именъ Олегъ и Игорь. Олегъ по его мнѣнію значитъ „освободитель," „ибо его корень лег-кій, льгъ-чити, о-льгъ-чити, означаетъ льг-оту во-лг-оту въ смыслѣ свободы, об-лег-ченія отъ тягостной жизни податной, покоренной; облегченіе отъ даней, отъ налоговъ, отъ работы (стр. 124). Авторъ, какъ кажется, думаетъ, что Олегъ былъ такъ названъ за свои дѣянія.... Оставляя, пока, въ сторонѣ эту особенность (ибо имя вездѣ и у всѣхъ дается или при рожденіи, или малый періодъ времени спустя), я спрошу: что за грамматическая форма „Олегъ" съ точки зрѣнія русской этимологіи автора? Звукъ о по его мнѣнію есть приставка, предлогъ...., а льгъ что такое? По смыслу слѣдовало-бы ожидать причастія дѣйствительнаго или „имени дѣйствователя;" а стоитъ чистый корень, осложненный предлогомъ.... Во всѣхъ

славянскихъ нарѣчіяхъ мы не знаемъ ничего аналогическаго такому явленію, а потому имѣемъ право признать эту этимологію невозможною, фантастическою. Еще несостоятельнѣе попытка объяснить имя „Игоря" „по смыслу многихъ, очень важныхъ обстоятельствъ его жизни" фантастическимъ наименованіемъ „Горя я," которымъ будто бы „прозывали у насъ людей несчастливыхъ, злосчастныхъ" (стр. 142). Если-бы книга автора не была изъ конца въ конецъ проникнута задушевною искренностью,—мы подумали-бы, что онъ допустилъ здѣсь иронію или шутку; ибо если Игорь былъ такъ названъ за свою несчастную судьбу, то выходитъ, что ему нарекли имя по его смерти; ибо нельзя же полагать, что наименованіе сіе (а равно и наименованіе Олега) были только народными прозвищами, а не настоящими собственными именами....

Мало вѣроятна мысль, что Олегъ былъ прозванъ „вѣщимъ"—болѣе всего за мирный договоръ свой съ Греками: „вѣдовство" обозначаетъ иную мудрость, чѣмъ мудрость купца—воина. Гораздо ближе думать, что это прозвище взято изъ области народнаго поэтическаго творчества объ Олегѣ, творчества, разбросанные слѣды котораго въ лѣтописи не подлежатъ сомнѣнію.

Нѣтъ рѣшительно—по нашему мнѣнію—надобности для объясненія укладовъ на города русскіе (положенныхъ Олегомъ на Грековъ) призывать „времена Роксоланскія" и думать, что это преданіе присвоено народной былиной отъ Роксоланъ—Олегу (стр. 137).... Нѣчто не препятствуетъ видѣть въ сихъ укладахъ историческую дѣйствительность.

Изложеніе быта и русской гражданственности по договорамъ получило бы на нашъ взглядъ болѣе цѣны и ясности, еслибы авторъ вмѣсто переводныхъ извлеченій съ толкованіями—представилъ бы историческія данныя въ сводномъ, распредѣленномъ, систематическомъ порядкѣ, подобно тому какъ это сдѣлано въ извѣстномъ изслѣдованіи пок. Срезневскаго.

Мнѣніе, что „договоръ Олега носитъ въ себѣ слѣды того договора, какой могъ быть заключенъ еще при Аскольдѣ" (стр. 139)—оригинально, и само по себѣ—вѣроятно; но для утвержденія своего имѣетъ нужду въ иныхъ доказательствахъ, чѣмъ указаніе на общее соотвѣтствіе историческаго факта, отмѣченнаго Фотіемъ съ первою статьею договора. Впрочемъ, быть можетъ я приписываю автору то, че-

го онъ не думалъ: я разумѣю его выраженіе о договорѣ при Аскольдѣ въ смыслѣ существованія письменнаго юридическаго акта.... Если же онъ думалъ здѣсь о простыхъ устныхъ условіяхъ какихъ, то они несомнѣнны и по ходу дѣлъ и изъ Фотіева „окружнаго посланія."

Главы четвертая и пятая содержатъ въ себѣ весьма одушевленно изложенное повѣствованіе объ Олегѣ и Святославѣ. И здѣсь, какъ прежде, къ общеизвѣстному авторъ съумѣлъ прибавить нѣсколько новыхъ чертъ и соображеній, которыя заслуживаютъ полнаго признанія. Въ изображеніи Ольги—за лѣтописью авторъ слѣдуетъ народному преданію и не пытается отдѣлить строго историческую дѣйствительность отъ поэзіи, которою народное чувство и фантазія облекли „русскую женщину первыхъ временъ...." По нашему пониманію—пріемъ вполнѣ правильный: ибо допустивъ даже почти невозможное, именно—что исторической критикѣ удастся высвободить нагую дѣйствительность изъ подъ поэтической оболочки,—мы получимъ въ выводѣ очень немного: сухой скелетъ дѣйствительности, образъ историческаго формализма, но не образъ живой исторіи, какую переживаютъ общества и народы. Отымите изъ повѣсти объ Ольгѣ народное историко-поэтическое начало, и вы не выиграете ниже іоты для историческаго знанія; мало того—вы нарушите высшую историческую правду народнаго пониманія. Впрочемъ, это вопросъ общихъ историческихъ принциповъ, поставленный со временъ Нибура, но едва-ли и въ настоящее время могущій назваться окончательно рѣшеннымъ.... Я коснулся его только затѣмъ, чтобы выразить справедливое одобреніе пріемамъ автора, который даетъ силу народному преданію, хотя бы оно и отсвѣчивалось поэтической окраской.... Но сходясь въ общемъ, признавая и мѣткость многихъ бытовыхъ объясненій автора, я рѣшительно долженъ разойтись съ нимъ въ двухъ-трехъ частныхъ примѣненіяхъ сего историческаго пріема. Такъ напримѣръ, онъ допускаетъ слѣдующую романическую прибавку къ древнему преданію: „Древлянскій князь, въ ожиданіи невѣсты (т. е. Ольги, по отправленіи втораго посольства къ ней), устраивалъ веселіе къ браку и часто видѣлъ сны: вотъ приходитъ къ нему Ольга и даритъ ему многоцѣнныя одежды, червленыя, всѣ унизаны жемчугомъ, а одѣяла червленыя съ зелеными узорами, и ладьи осмоленыя, въ которыхъ понесутъ на свадьбу жениха и невѣсту...." Или, Ольга говоритъ у него Древлянамъ: „Вы изнемогли

въ осадѣ. Нѣтъ у васъ теперь ни меду, ни мѣховъ. Хочу взять отъ васъ дань на жертву богамъ, а мнѣ на изцѣленіе головной болѣзни,— дайте отъ двора по три голубя и по три воробья. Тѣ птицы у васъ есть, а по другимъ мѣстамъ я повсюду собирала, да нѣтъ ихъ! И то вамъ будетъ дань изъ рода въ родъ...." Всѣ сіи романическія раскрасы и прибавки, совершенно не извѣстныя древней лѣтописи, взяты авторомъ изъ „Лѣтописца Переславля Суздальскаго," т. е. изъ произведенія, основа котораго хотя и древняя, но тотъ видъ и та форма, въ какихъ онъ изданъ кн. Оболенскимъ (М. 1851), несомнѣнно принадлежатъ къ позднѣйшему времени литературно-романическихъ украшеній. Вносить изъ такого источника въ древнее преданіе прибавки, будутъ ли онѣ привлекательны и вѣроятны, какъ сны кн. Мала, будутъ ли онѣ чудовищно нелѣпы, какъ ссылка Ольги на головную болѣзнь свою и на то обстоятельство, что другія племена не имѣютъ воробьевъ и голубей—одинаково невозможно. Иначе, почему же не внести и всякія другія прибавки, въ которыхъ нѣтъ недостатка въ русской исторической литературѣ XVII—XVIII в. Утверждать, что лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго сохранилъ древнія черты преданія—нѣтъ ни малѣйшаго основанія.... Равнымъ образомъ, не вижу я, чѣмъ руководился авторъ утверждая, что въ великую и глубокую яму, куда ввергнуты были первые послы Древлянъ—„насыпанъ былъ горящій дубовый уголь".... Объ этомъ, сколько знаю, не упоминается ни въ одномъ источникѣ. Къ такому утвержденію автора подвигли, какъ кажется, нѣкоторыя данныя „могильной древности;" но не говоря уже о томъ, что сіи данныя или сей обычай самъ нуждается въ правильномъ объясненіи,—заставлять Ольгу слѣдовать сему обычаю въ мести Древлянамъ—совершенно произвольно.... Это—снова раскраска, только—изъ археологическаго источника!

Обстоятельнѣе, чѣмъ находимъ мы у другихъ русскихъ историковъ—описаны зданія и устройство цареградскаго двора и пріемъ въ немъ русской княгини.... Желательно было бы только имѣть и указаніе на источники въ описаніи перваго....

Не должна пройти незамѣченною и слѣдующая любопытная археологическая замѣтка автора: „Въ числѣ бытовыхъ порядковъ, сопро„вождавшихъ разныя обстоятельства этого событія, обращаетъ внима„ніе ношеніе дорогихъ гостей въ лодкахъ. Мы не думаемъ, чтобы эти „ладьи являлись здѣсь только сказочною прикрасою. Видимо, что онѣ

„употреблялись, какъ и сани, въ качествѣ почетныхъ носилокъ, когда „требовалось дѣйствительно оказать кому-либо высокую почесть. Могло „случаться, что, при особомъ торжествѣ, въ лодкахъ вносились прямо „съ берега въ городъ любимые люди и особенно любимые князья. Лод-„ками дарила Ольга князя Мала, какъ онъ видѣлъ во снѣ, и именно „для того, чтобы въ нихъ нести его съ невѣстою на бракъ. Изъ этой „отмѣтки видно, что лодка и въ свадебномъ обрядѣ занимала свое мѣ-„сто. У людей, проводившихъ большую часть жизни на водѣ, жившихъ „постоянно въ лодкѣ, каковы были первые Руссы, лодка очень есте-„ственно въ необходимыхъ случаяхъ могла замѣнять сухопутную ко-„лесницу или носимый чертогъ и потому могла получить обрядовое „значеніе. Въ лодкѣ же язычники Руссы хоронили (сожигали) „своихъ покойниковъ, какъ видѣлъ арабъ Ибнъ-Фоцланъ. Можно „полагать, что память о языческихъ обрядахъ погребенія заставила „уже въ христіанское время покрыть убитаго и брошеннаго между двумя „колодами князя Глѣба тоже лодкою, что соотвѣтствовало, какъ бы „исполненному погребенію (стр. 177—8).“

Въ (очень обстоятельномъ) изображеніи дѣятельности Святослава обращаетъ на себя вниманіе толкованіе, какое даетъ ей авторъ. Приведя слова Святослава о Переяславцѣ: „не любо ми есть въ Кievѣ быти“ и т. д...., онъ говоритъ, что „Кіевскій князь—быть можетъ—„повторяетъ рѣчи Новгородскаго князя Олега, точно также не полю-„бившаго Новгородъ и переселившагося въ среду Русской земли, въ „Кіевъ; теперь Новгородъ хочетъ переселиться на Дунай въ среду „земли своей.... Чья это мысль? Одного ли Святослава или общая мысль „Руси, искавшей лучшаго гнѣзда для торговъ? Повидимому здѣсь вы-„сказывается старозавѣтная задача Русской жизни—итти туда, гдѣ силь-„торгъ и промыслъ. И потому еще неизвѣстно, былъ ли Святославъ „завоевателемъ, или онъ былъ орудіемъ другихъ идей, распространявшихъ „себѣ поле дѣйствія сначала на Днѣпрѣ, потомъ на Каспіѣ, на Ким-„мерійскомъ Воспорѣ, и наконецъ на устьяхъ Дуная, которыя оказы-„ваются даже середою чьей-то земли? (стр. 114).“ „Кто же отыски-„ваетъ эту середу своей земли? Можно было бы приписывать это толь-„ко мечтамъ Святослава, если-бы передъ нимъ впередъ не прошелъ „по тому же направленію Олегъ. Мы думаемъ, что эта мысль отыскать „середу для своей земли на самомъ выгодномъ торговомъ перекресткѣ „принадлежитъ самому народу, той его предпріимчивой долѣ, которая

„стояла впереди и смотрѣла съ Кіевскихъ горъ дальше, чѣмъ смотрѣ-„ли другіе. Дунайская среда приближалась къ самому средоточію тог-„дашней всемирной торговли, къ Византіи; слѣдовательно она не въ „мечтѣ, а на самомъ дѣлѣ была бы истиннымъ средоточіемъ торго-„выхъ и промышленныхъ дѣлъ Руси. Кому нужны были торговые до-„говоры съ Греками, тѣмъ же людямъ необходимы были не только чи-„стые пути во всѣ стороны, но и выгоднѣйшіе перекрестки или сре-„доточія этихъ путей. Въ этомъ случаѣ Святославъ вовсе не былъ ря-„довымъ завоевателемъ, но былъ только достойнымъ выразителемъ да-„лекихъ стремленій и смѣлыхъ побужденій самой земли.... (стр. 245—„6).“ Вся жизнь его была однимъ безпрерывнымъ походомъ, но на-„прасно думаютъ, что это былъ искатель приключеній, задорный вояка, „въ родѣ какого нибудь славнаго разбойника по норманскому образцу. „Его войны были исполнены великаго значенія для Русской земли. „Онъ воевалъ для утвержденія русской силы, для распространенія рус-„скаго могущества, именно на торговыхъ путяхъ.... Онъ прочищалъ „торговыя дороги, широко отворялъ ворота русскому промыслу. Въ са-„мой Болгаріи ему особенно полюбилось только устье Дуная, гдѣ на-„ходились торговые ворота отъ богатыхъ прикаспійскихъ и придунай-„скихъ земель. Онъ не хотѣлъ забираться внутрь болгарской страны, „чего не оставилъ бы безъ вниманія простой, такъ сказать рядовой „завоеватель. Ему главнымъ образомъ надобенъ былъ берегъ моря, „хорошая, безопасная, скрытая отъ враговъ пристань. А таковъ и былъ „Дунайскій Переяславецъ (стр. 244).“

Этими словами автора—на нашъ взглядъ—опредѣляется очень вѣрно историческій смыслъ и значеніе дѣятельности Святослава.... Но одно ограниченіе—допустить необходимо: это—такъ сказать безсознательное отношеніе кіевскаго князя къ такой политикѣ: ничто не обличаетъ въ немъ торгово-политическихъ разсчетовъ, и если онъ дѣйствовалъ для нихъ, то въ полномъ смыслѣ слова, какъ безсознательное орудіе земской силы.... По своей природѣ онъ всего менѣе былъ политикъ и всего скорѣе „совершенный образецъ....“—если не Норманна, то вообще в о и н а въ сѣверномъ смыслѣ.... Преданіе, заставляющее его презирать золото и греческіе дары и облюбить оружіе—прямо указываетъ въ немъ не политика—торговца, а воина, хотя онъ и не былъ равнодушенъ къ „благамъ“ міра того.... Самъ г. Забѣлинъ признаетъ, что Святославъ былъ выразителемъ стремленій и побужденій самой

земли, но кажется онъ при этомъ даетъ ему значеніе „выразителя сознающаго, руководящаго“.... А такую роль трудно согласить съ историческими данными.... Во всякомъ случаѣ, мысль г. Забѣлина очень замѣчательна и, при указанномъ ограниченіи—превосходно объясняетъ стремленіе Руси къ Дунаю.... Постановку кумировъ Русскихъ боговъ въ Кіевѣ авторъ наклоненъ объяснить какимъ-то видимымъ выраженіемъ торжества языческой религіи и мысли, подъемомъ языческой жизни.... Этимъ же объясняется, по его мнѣнію, и жертвенное убійство двухъ Варяговъ.... Для такой догадки я не вижу достаточныхъ основаній.... Болѣе вѣроятною мнѣ представляется догадка (которую, надѣюсь—раздѣлитъ и авторъ), что постановка кумировъ въ Кіевѣ была только устроеніемъ религіознаго культа по тѣмъ образцамъ, которые Владимиръ могъ видѣть у балтійскихъ Славянъ, а жертвоприношеніе Варяговъ, быть можетъ—подражаніемъ тѣмъ же образцамъ.... Впрочемъ я немогу въ чистую отвергнуть и того объясненія, которое видитъ здѣсь книжный вымыселъ: мнѣ кажется, что разсказъ о двухъ Варягахъ можетъ быть понимаемъ, какъ старое варяжское преданіе, перенесенное на русскую почву и переданное въ русской книжной оболочкѣ. Жертвы людьми у озлобленнаго племени балтійскихъ Славянъ были не рѣдки: припомнимъ только, что въ 1066 году въ Мекленбургѣ были принесены въ жертву Редигасту многіе христіане и во главѣ ихъ архіепископъ, носившій тоже самое имя, что и нашъ Варягъ, имя Ивана (Adami brem. Ges. III, 50). Въ заключеніе разбора пятой главы „Исторіи русской исторіи“ не могу не дать мѣста одному картинному сопоставленію, гдѣ авторъ съ искусствомъ истиннаго художника и съ тонкимъ историческимъ пониманіемъ разсуждаетъ о Византіи и Руси по поводу свиданія Святослава съ Цимисхіемъ....

„На берегу Дуная съѣхались посмотрѣть другъ на друга двѣ „власти, руководительницы двухъ различныхъ земель. Одна уже создавшая и державшая громадное и богатѣйшее государство, раззолоченная и обремененная ласкательствомъ и поклоненіемъ, аки Богу, „вѣчно колеблющаяся, вѣчно трепещущая отъ заговоровъ и предательства, изхитренная до послѣдней мысли, вполнѣ зависимая отъ своихъ „милостивцевъ, робкая; но кровожадная, никогда не разбирающая никакихъ злодѣйскихъ средствъ къ своему достиженію.... Другая—еще „только искавшая землю для созданія государства и потому съ Ильме-

„ня озера перескочившая на Днѣпръ, а теперь овладѣвшая было Ду-„наемъ; еще бѣдная, неодѣтая, въ одной сорочкѣ, но безъ обмана, прямая „и твердая, вполнѣ зависимая отъ той мысли, что она у своего на-„рода только передовой работникъ, для котораго мечь, какъ и весло—„свойское дѣло, лишь бы достигнута была народная цѣль; власть, ни-„чѣмъ себя не отличающая отъ народа, не имѣющая и понятія о бо-„жественномъ себѣ поклоненіи, простодушная, какъ послѣдній селя-„нинъ ся земли, жившая въ братскомъ довѣріи къ дружинѣ и ко всей „Землѣ“ (стр. 244).

Характеристика поразительно вѣрная! Она мѣткими чертами дополняетъ прежде представленные авторомъ образы Руси торговой и промышленной....

Глава шестая разсматриваетъ „языческое вѣрованіе древней Руси.“ Въ началѣ очень подробно говорится объ основныхъ источникахъ языческихъ воззрѣній и вѣрованій, потомъ опредѣляется значеніе русскихъ божествъ, или, какъ выражается авторъ: „боговъ Кіевскаго холма,“ затѣмъ, обстоятельно разсматривается годовой кругъ языческаго поклоненія или религіозной практики, и въ заключеніе дается мѣсто нѣкоторымъ общимъ соображеніямъ о правѣ и нравственности язычника....

Изъ всѣхъ отраслей науки Русской Древности—„русское язычество“ т. е. русская миѳологія и языческая религія находятся въ самомъ неразработанномъ, можно сказать—хаотическомъ видѣ. Много темнаго, недостаточнаго представляютъ и области бытовая, культурная, юридическая; но ни одна изъ нихъ—столько, сколько миѳологически-религіозная, потому, что ей недостаетъ самаго необходимаго, самаго существеннаго, безъ чего невозможны научные выводы т. е. правильнаго метода изслѣдованія.... Въ матерьялѣ чувствуется недостатокъ только въ такомъ, который былъ бы современенъ или близокъ къ эпохѣ самаго язычества; архаическихъ же данныхъ—довольно, даже—много, болѣе чѣмъ наша изслѣдовательность одолѣть можетъ. А метода, или начала, слѣдуя которому можно было бы дать порядокъ и историческое освѣщеніе этому запасу фактовъ—нѣтъ.... И онъ объявится лишь тогда, когда ясно опредѣлятся источники русскаго язычества или, говоря вѣрнѣе—источники того комплекса народныхъ вѣрованій, понятій, взглядовъ, суевѣрной практики и т. д., которому мы теперь несвойственно даемъ огульное имя—„язычества.“ Когда

разобрано будетъ, что откуда идетъ, тогда станетъ возможно и примѣненіе къ этому матерьялу историко-филологическаго метода. Доселѣ къ нему (т. е. къ объясненію данныхъ народнаго быта) примѣняемо было или „поэтико-историческое (бытовое)“ толкованіе, какъ у Я. Гримма и его послѣдователей, или же толкованіе „психологическое,“ какъ у послѣдователей такъ назыв. „миѳологіи природы“.... При всемъ томъ, что для мощныхъ поэтическихъ созерцаній, догадокъ и идей Гримма не всегда находились надежныя правильныя основанія, его пониманіе и объясненіе „язычества“ имѣло характеръ историческаго знанія, потому что любило держаться бытовой почвы, пыталось указать соотвѣтствіе данныхъ религіозно-поэтической жизни съ бытомъ и жизнью историческою.... Экзегезъ „миѳологіи природы“ (=„сравнительной миѳологіи“) совершенно оставилъ въ сторонѣ историческую задачу изслѣдованія и безраздѣльно отдался разысканію происхожденія миѳическихъ образовъ и вѣрованій и ихъ первоначальнаго значенія или смысла, т. е. сталъ преслѣдовать задачу психологическую. Результаты были успѣшны, но опять только по отношенію къ общечеловѣческой психологіи: историческая жизнь миѳовъ и вѣрованій, отмѣчаемая извѣстными историко-бытовыми помѣтами по стадіямъ или періодамъ,—сливалась въ одну нераздѣльную массу и потому можно сказать совершенно исчезала.... Типическій примѣръ такого состоянія миѳологической науки мы имѣемъ въ почтенномъ, своего рода классическомъ—трудѣ пок. А. Н. Аѳанасьева „Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу,“ 3 т. Здѣсь мы находимъ богатѣйшіе запасы всякаго рода данныхъ, заимствованныхъ главнымъ образомъ изъ быта и литературы Славянъ; не видно только одного: религіозно-миѳическаго быта самыхъ Славянъ въ его историческихъ видоизмѣненіяхъ, т. е. нѣтъ исторіи.... Къ книгѣ, вмѣсто заглавія: „Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу“—вѣрнѣе шло-бы обозначеніе: „О происхожденіи и первоначальномъ смыслѣ миѳическихъ вѣрованій, образовъ, понятій и воззрѣній—на основаніи психологическихъ и иныхъ данныхъ, представляемыхъ славянскими источниками.“ Изслѣдуя психологическую задачу, Аѳанасьевъ—естественно—относился съ нѣкоторымъ невниманіемъ къ задачамъ историческимъ и рѣшительно пренебрегъ исторической критикой источниковъ.... Для опредѣленія происхожденія и первоначальнаго смысла какого-нибудь образа и представленія—нѣтъ на-

добности разбирать его историческаго родословія; достаточно будетъ посредствомъ сравненія доказать, что первоначально онъ возникъ отъ дѣйствія такого или инаго явленія на душу человѣка, т. е. имѣетъ тотъ или иной природный смыслъ. Дастъ древняя русская письменность указаніе на какой-нибудь фантастическій образъ или суевѣрный обычай....; она заимствовала эти указанія изъ „книгъ отреченныхъ,“ изъ источника чужеземнаго,—Аѳанасьевъ не колеблется причислить и эти данныя къ славянскому язычеству, ибо „отреченная литература“ выросла на языческомъ міровоззрѣніи, и указанныя данныя имѣютъ первоначально природный источникъ.... Пріемъ изслѣдованія, очевидно—могущій быть пригоднымъ въ психологіи, но рѣшительно негодный для историческихъ цѣлей....

Я нѣсколько распространился объ ученомъ изслѣдованіи „русскаго язычества“ и въ частности о трудѣ Аѳанасьева затѣмъ, чтобы показать, какъ въ этой области „историкъ русской жизни“ предоставленъ еще однимъ собственнымъ силамъ. Воспользоваться онъ можетъ, пока, очень немногимъ, болѣе частностями, чѣмъ общимъ.... И г. Забѣлинъ воспользовался этимъ, какъ нашелъ нужнымъ; но съ обычною ему добросовѣстностью и талантомъ, пополняя кое-какіе пробѣлы по своему крайнему разумѣнію. Такъ, вполнѣ удачнымъ должно назвать его изображеніе языческой годовой практики, т. е. обычаевъ и обрядовъ, сопровождавшихъ теченіе языческой жизни, чествованіе боговъ въ самомъ кругу годовыхъ временъ, „въ этомъ чередованіи свѣта и мрака, тепла и холода, оживанія всей природы и ея замиранія до новаго тепла и свѣта“ [9]).... Какъ въ объясненіяхъ народной годовщины, такъ и въ разсмотрѣніи данныхъ, относящихся къ языческимъ божествамъ—авторъ слѣдуетъ началамъ природнаго толкованія, но болѣе въ томъ смыслѣ, какъ оно понималось въ школѣ Гримма,

---

[9]) Не могу, хотя въ выноскѣ, не отмѣтить прекрасныхъ страницъ (286—289) о характерѣ русской природы по отношенію къ образованію поэтико-миѳическихъ воззрѣній ея обитателей, т. е. иными словами—вліянія природы русскаго края на поэтическую миѳологію и вѣрованіе. Авторъ коснулся здѣсь въ высокой степени важнаго этнографическаго вопроса и съумѣлъ, хотя въ общихъ очертаніяхъ, представить нѣсколько соображеній и замѣчаній, очень цѣнныхъ....

чѣмъ у миѳологовъ—натуралистовъ послѣдующаго времени. Способъ изложенія автора скорѣе можетъ быть названъ систематическимъ, чѣмъ историческимъ: онъ не отваживается на попытку построенія постепенныхъ историческихъ измѣненій въ языческихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, а излагаетъ данныя въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ по его мнѣнію—были предъ введеніемъ Христіанства.... Неудовлетворительно въ историческомъ отношеніи такое изложеніе; но имѣя въ виду неудовлетворительное состояніе самой науки,—вправѣ ли мы требовать отъ автора „Исторіи русской жизни“—новыхъ разысканій и изслѣдованій о предметѣ? Конечно—нѣтъ! Онъ добросовѣстно, и мѣстами увлекательно, передалъ изъ добытаго наукою то, что нашелъ для себя необходимымъ или пригоднымъ.

Теперь—нѣсколько частныхъ замѣчаній.

Въ одушевленномъ, хотя нѣсколько неопредѣленномъ и болѣе художественно-литературномъ, чѣмъ научномъ—очеркѣ происхожденія наивныхъ вѣрованій народа насъ удивила встрѣча со многими выдержками изъ такъ назыв. „Травниковъ.“ Авторъ думаетъ найти въ этихъ произведеніяхъ „сказанія древнихъ чародѣевъ,“ записанныя хотя и въ позднія времена, но вполнѣ сохранившія въ себѣ такъ сказать языческій типъ и ясно показывающія, какъ язычникъ разумѣлъ вообще природу, и какъ онъ относился ко всѣмъ ея дарамъ и образамъ“.... Мнѣніе, имѣющее на нашъ взглядъ только внѣшнее подобіе справедливости, но въ основѣ—совершенно невѣрное. Подобно средневѣковымъ Физіологамъ, Бестіаріямъ, Ляпидаріямъ—Травникъ есть плодъ той „чудесной“ учености, которая жила и дѣйствовала въ Европѣ, какъ въ наукѣ природы, такъ и въ наукѣ исторіи (на Востокѣ наука доселѣ имѣетъ такой фантастическій характеръ) часто до нашихъ дней. Эти фантастическія Зоологіи, Ботаники, Минералогіи сложились путями долгаго процесса: быть можетъ въ основѣ ихъ лежатъ дѣйствительно „сказанія чародѣевъ,“ но исторически намъ извѣстно одно, что такія воззрѣнія на природу были въ общемъ распространеніи еще въ классической древности, что ими овладѣла потомъ греческая и латинская ученость среднихъ временъ и переработала ихъ въ систематическія „руководства къ познанію природы,“ встрѣчающіяся въ знатномъ количествѣ—въ старо-нѣмецкой, французской, итальянской и испанской литературѣ, переведенныя позднѣе и на многія Славянскія нарѣчія и между прочимъ—на русскій.... Травники—плодъ басно-

словной науки, но никакъ не наивнаго первобытнаго вѣрованія, которое присутствуетъ въ нихъ только въ качествѣ составнаго, сильно измѣненнаго матерьяла. Спору нѣтъ, что природный анимизмъ лежитъ въ основѣ и наивныхъ воззрѣній младенчествующаго человѣчества, и воззрѣній, распространенныхъ въ Травникахъ, но вѣдь онъ одинаково лежитъ въ основѣ и многихъ воззрѣній нашей современности, а въ особенности нашего языка.... Потому, приводить такія произведенія искусственной мудрости, какъ Травники въ поясненіе наивныхъ міровоззрѣній младенческаго народа—едва ли можетъ быть признано удачнымъ.

Трудно согласиться съ авторомъ, что „р я ж е н ь е" во время Святокъ служило олицетвореніемъ неживущаго міра, который подъ видомъ различныхъ оборотней, женщинъ переодѣтыхъ въ мужчинъ, и мужчинъ, переодѣтыхъ въ жещинъ, особенно страшилищъ въ шкурахъ звѣрей, медвѣдей, волковъ и т. п. являлся въ среду живыхъ и, ходя толпою по улицамъ, совершалъ свою законную вакханалью-р у с а л ь ю (?), воспѣвая пѣсни, творя безчинный говоръ, плясаніе, скаканіе." (стр. 313). Для такого мнѣнія я не вижу основаній: то, по мнѣнію автора —„довольно ясное указаніе на такое пониманіе оборотней," какое онъ видитъ въ извѣстной апокрифической статьѣ: „о двѣнадцати опрометныхъ лицахъ"—совершенно не ясно и не даетъ ни малѣйшаго повода къ такому выводу.... Съ большимъ вѣроятіемъ смыслъ обычая „переряживанія" объясняется Аѳанасьевымъ: Поэт. Воз. I. 717—9. Замѣтимъ здѣсь кстати и одинъ частный недосмотръ автора: онъ понимаетъ выраженіе: „с у ж е н ы й-р я ж е н ы й" въ смыслѣ п е р е р я ж е н ы й, тогда какъ это—тавтологическая формула, обозначающая „опредѣленнаго (рядъ=постановленіе, при=и уговоръ) с у д ь б о ю," и потому совершенно не относящаяся къ переряживанью....

Объясненіе имени „Свѣтовита" балтійскихъ Славянъ (стр. 305) прилагательнымъ с в ѣ т о в и т ы й—невѣрно, такъ-какъ во всѣхъ древнихъ источникахъ здѣсь мы находимъ носовой звукъ=an: Suanteuitus....

На стр. 333 авторъ весьма неодобрительно отзывается о „с у е м у д р і и" нѣкоторыхъ новѣйшихъ филологовъ, доказывающихъ, что Слово о Полку Игоревѣ въ сущности есть книжная и стало быть мертвая компиляція и въ мысляхъ и въ словахъ, собранная изъ ка-

каго-то невѣдомаго и самымъ филологамъ болгарскаго источника". Авторъ, напротивъ, видитъ въ „Словѣ" міръ живыхъ миѳическихъ воззрѣній и созерцаній, который указываетъ „на существованіе цѣлаго и полнаго круга русскихъ миѳовъ, носившихся живою жизнью даже надъ сознаніемъ, воспитаннымъ уже христіанскими идеями". Я готовъ раздѣлить основное воззрѣніе автора; но все-же позволю себѣ думать, что и „суемудріе филологовъ" не столь суемудро, какъ онъ полагаетъ. Неудача объясненія предполагаемыми болгарскими источниками стиля „Слова" еще неуничтожаетъ предположенія о литературно-художественномъ происхожденіи памятника (это признаетъ и г. Забѣлинъ) и о томъ, что миѳологическое начало его не есть начало живое, дѣйствовавшее въ русской жизни въ концѣ XII в., а художественно-литературное украшеніе, основа котораго безсомнѣнія шла отъ „старыхъ словесъ" языческой эпохи; но жизненной силы сихъ „словесъ" уже неимѣла... Употребленіе миѳологическаго элемента въ такомъ значеніи нисколько не препятствуетъ „Слову" быть произведеніемъ художественнымъ, какъ не препятствуютъ художественности величественнаго христіанскаго храма образы античной миѳологіи, которыми онъ украшается. Гипотеза Вс. Ѳ. Миллера только недостаточно доказана (почему и вызвала недоразумѣніе будто-бы авторъ ея считаетъ „Слово" мертвой компиляціей), но никакъ не принадлежитъ къ царству суемудрія, напротивъ—заслуживаетъ вниманія во многихъ отношеніяхъ.

За изложеніемъ религіозной и миѳологической стороны языческой жизни мы желали-бы найти такое-же разсмотрѣніе языческой бытовой жизни, обычаевъ и обрядовъ, относящихся къ рожденію и юности человѣка, женитьбѣ и погребенію; но взамѣнъ этого авторъ предлагаетъ намъ нѣсколько общихъ разсужденій о нравственности язычника, о мести и хитрости... Правда, еще въ главѣ V, с. 204—авторъ касается обычая „постригъ", но касается къ случаю, мимоходомъ, да къ тому-же усвояетъ имъ характеръ торжества по преимуществу дружиннаго, тогда какъ польскіе источники (Mart. Gallus, Ch. I, 27) указываютъ прямо, что постриги былъ въ ходу и между простыми земледѣльцами, какими были Пястъ и жена его Рѣпка...

Глава седьмая озаглавлена; „Круговоротъ жизни въ языческое время". Останавливаясь на такихъ общественныхъ предпріятіяхъ, какъ призваніе князей, походы на Грековъ, авторъ приходитъ къ мысли, что такія явленія не могутъ быть иначе изъ-

ясенены, какъ признаніемъ существованія и дѣйствій цѣлаго руководящаго общества, выразителями интересовъ котораго были послы и купцы, а задачею—свободный торгъ съ Цареградомъ и основаніе государства. Послѣднее обстоятельство ведетъ автора къ разсмотрѣнію состоянія русскаго общества въ эпоху призванія князей, причемъ онъ яснѣе, чѣмъ въ I т. опредѣляетъ значеніе началъ родоваго быта въ то время и прямо уже утверждаетъ и доказываетъ, что русскую исторію нужно начинать не родовымъ, а городовымъ бытомъ.. Далѣе онъ подробно разсматриваетъ торговый трудъ и движеніе по „пути Греческому," чрезъ днѣпровскіе пороги, а потомъ, по закупкѣ товаровъ въ Греціи и возвращеніи домой—торговлю съ другими племенами внутри страны и вообще „промысловый торговый кругъ жизни", подробно и основательно останавливается на вещественныхъ доказательствахъ распространенія торговой промышленности по странѣ, т. е. на кладахъ арабскихъ, греческихъ, западно-европейскихъ и иныхъ монетъ, находимыхъ по русской землѣ, перечисляетъ предметы торговли или товары (при этомъ особенно важно розысканіе о бисерѣ или „стеклянныхъ глазкахъ" лѣтописи) извлекаетъ любопытнѣйшія данныя о торговыхъ связяхъ русской земли съ отдаленнѣйшими странами—изъ могилъ (впрочемъ, какъ я замѣчалъ уже, изъ однихъ только мерянскихъ), причемъ вообще могильными источниками возстановляетъ картину жизни Мерянъ въ 9—11 вв. Глава заключается общею картиною образованности русскаго общества того времени и указаніемъ нѣкоторыхъ иноземныхъ вліяній въ древней русской культурѣ.... .

Таково—обильное содержаніе этого отдѣла „Исторіи русской жизни," отдѣла, который я не колеблюсь признать самымъ важнымъ въ трудѣ, наиболѣе обработаннымъ, наиболѣе заключающимъ въ себѣ новыхъ и вѣрныхъ замѣчаній....

Предложимъ, однако, и здѣсь нѣсколько частныхъ замѣчаній....

Бытъ родовой и городовой.... Я уже имѣлъ случай сказать, что во второмъ томѣ своего труда авторъ значительно отклонился отъ тѣхъ понятій о родовомъ бытѣ, которыя высказывалъ въ первомъ. Дѣйствительно, если въ первомъ томѣ находимъ, что „жизнь родомъ, владѣніе родомъ—заключали въ себѣ первоначальную основу Русскаго быта (I, 513)," что „родъ былъ въ эпоху древнѣйшей лѣтописи господствующею формою общежитія, такъ точно, какъ теперь господствующая форма нашего общежитія есть общество (ib., 514—

15),“ что такой памятникъ общественнаго права, какъ Русская Правда указываетъ на господство родоваго быта, на то, что общественная власть принадлежала роду или колѣну братьевъ (стр. 524—5);“ то въ томѣ второмъ встрѣчаемъ другое, именно: „Родовой бытъ, изображеніемъ „котораго необходимо начинать читать нашу исторію, вліяніе котораго „чувствуется въ ней на каждомъ шагу, въ сущности есть только сти-„хія жизни и притомъ стихія жизни частной, домашней, жизни въ „отдѣльномъ дворѣ или въ нѣсколькихъ дворахъ,—въ деревнѣ. Состоя-„ніе жизни у домашняго очага въ общемъ обликѣ въ начальное время „(?) дѣйствительно было исполнено порядками первичныхъ родовыхъ „отношеній и связей. Частный бытъ и до сихъ поръ еще руководится „такими порядками. Но такъ-ли было на высотѣ сознанія народомъ „общихъ цѣлей и задачъ жизни, въ дѣяніяхъ и движеніяхъ жизни об-„щей, посреди общихъ стремленій и интересовъ, какими собственно и „начинается наша исторія? Былъ-ли напримѣръ способенъ родовой „бытъ связать въ одно цѣлое цѣлую волость, цѣлую землю, хотя бы „и одного племени? Могъ ли онъ выработать особую политическую „форму быта, какую необходимо предполагать, если народъ жилъ раз-„дѣльными, но самостоятельными и независимыми другъ отъ друга во-„лостями и Землями? Скажутъ, что это были отдѣльныя племена, на-„родившіяся и жившія на своемъ мѣстѣ, владѣвшія родомъ своимъ. Но „какая же форма связывала отдѣльное племя въ одну общую и само-„стоятельную жизнь. Въ частномъ быту такой формой былъ родъ, во „главѣ котораго стоялъ старшій, или самъ родоначальникъ или стар-„шій въ родѣ. Но большое или малое племя составляло уже новую „ступень родоваго быта. Въ какой же формѣ обнаруживала свои дѣя-„нія и дѣйствія эго новая ступень родоваго развитія, что служило ей „главою и средоточіемъ; въ чьихъ рукахъ находилась власть и вла-„дѣніе всего племени? На это очень ясно отвѣчаетъ самъ начальный лѣ-„тописецъ. Указывая на жизнь родомъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ упо-„минаетъ о городкѣ въ уменьшительномъ видѣ, какъ о зародышѣ го-„родскаго быта, затѣмъ называетъ нѣсколько городовъ...., средоточій „племенныхъ волостей или областей, или же называемыхъ княже-„ніями“....

„И такъ, заключаетъ авторъ—если до призванія Князей, по точ-„ному свидѣтельству начальной лѣтописи, у насъ существовали племен-„ныя княженія и самые города, безъ которыхъ княженія не могли и

„существовать, то какое же мѣсто въ этихъ княженіяхъ мы дадимъ „родовому быту? Городъ, какъ форма народной жизни не есть родо-„вая форма. Это уже община и притомъ община весьма разнороднаго „состава, населенная разными людьми не только отъ разныхъ родовъ, „но и отъ разныхъ племенъ, столько же отъ инородцевъ.... Такимъ „образомъ городъ мы должны почитать новымъ основаніемъ для раз-„витія страны, тѣмъ основаніемъ, на которомъ построилось не только „призваніе князей, но и самое государство. Поэтому и родовой „бытъ мы должны удалить на извѣстное или неизвѣст-„ное разстояніе отъ начала нашей исторіи и начинать „ее не родовымъ, а городовымъ бытомъ (стр. 349—351)."

Замѣчанія, соображенія и выводы вполнѣ согласные и съ историческими данными и съ историческою логикой.! Ими на нашъ взглядъ—теорія чистаго, строгаго родоваго быта, какъ явленія, бывшаго когда-то общей абсолютной формой русской жизни не только „удаляется на извѣстное или неизвѣстное разстояніе отъ начала нашей исторіи;" но и совершенно устраняется. Разумѣется, я говорю о чистой формѣ родоваго быта, единовластно обнимающей всѣ славянскія и русскія племена, а не объ отдѣльныхъ возможныхъ случаяхъ сожитій въ родовыхъ союзахъ: послѣдніе завѣдомо были у всѣхъ славянскихъ племенъ, но всегда составляли только часть бытовой исторіи Славянъ, были только однимъ изъ элементовъ ея, а не полнымъ ея содержаніемъ. Равнымъ образомъ нельзя отрицать важнаго значенія (авторъ говоритъ основнаго,—что кажется, допущено имъ для соглашенія прежнихъ своихъ понятій о родовомъ бытѣ съ нынѣшними) родовой стихіи во всей русской исторіи, даже и доднесь..; но заключать отсюда объ исключительномъ, повальномъ нѣкогда господствѣ родоваго быта у Славянъ, когда будто-бы все это племя жило отдѣльными разрозненными родами, внѣ всякаго союза племеннаго и общиннаго—представляется рѣшительною невозможностью: ничего подобнаго въ этомъ смыслѣ не знаетъ никакая исторія! Ей извѣстны родовые союзы, естественные и искусственные, возникающіе при извѣстныхъ условіяхъ и отъ извѣстныхъ условій, но они извѣстны ей лишь, какъ частныя историческія явленія, какъ формы, которыя могла принять жизнь, но которыя вовсе не были для нея неизбѣжны и необходимо обязательны.. Пусть допускающіе былое господство чистаго родоваго быта, уединенную разрозненность родовъ и ихъ отношеній—попытаются объяснить явленіе

стройнаго общаго движенія внутренней народной или племенной исторіи въ языкѣ, религіи, правахъ, обычаяхъ и т. д.; они должны будутъ признать, что надъ частнымъ семейнымъ родовымъ началомъ возвышалось иное, болѣе сильное, болѣе объединяющее начало, племенное, общественное...

Здѣсь, конечно, не мѣсто пускаться въ разсмотрѣніе значенія и пространства родоваго начала въ нашей исторіи: это требуетъ спеціальныхъ подробныхъ изслѣдованій, но я немогу не замѣтить, что выдвигая на первый планъ господство городоваго быта въ древнѣйшей русской исторіи, объясняя его условія съ такою ясностью и естественной простотой, г. Забѣлинъ не только вноситъ въ науку русской исторіи новый объяснительный элементъ, но значительно способствуетъ устраненію того, что по нашему крайнему разумѣнію относится къ области историческихъ предразсудковъ или, по крайней мѣрѣ—недоразумѣній... Разсужденіе г. Забѣлина о городѣ и городовомъ бытѣ представляютъ прекрасное дополненіе къ тому, что сказано имъ о семъ предметѣ въ I томѣ „Исторіи,“ и отличается такими-же достоинствами.

Греческій торгъ, а также торги Каспійскій и Балтійскій—возбуждали по словамъ автора, „въ русской равнинѣ то промысловое и торговое движеніе, которое создало не только большіе и малые торговые города, но и способствовало объединенію общихъ выгодъ по всѣмъ угламъ равнины.. Оно создало государство, которое потому носитъ на себѣ типъ болѣе всего промышленный, городской или гражданскій, но не военный или феодальный, завоевательный, хищническій... Авторъ слѣдитъ движеніе промышленно торговой жизни по „греческому пути“: переправа русскихъ судовъ чрезъ днѣпровскіе пороги даетъ ему случай коснуться снова сихъ „камней преткновенія“ варягоборческой науки. Авторъ тоже дѣлаетъ попытку объяснить сѣверныя наименованія нѣкоторыхъ пороговъ—русско-славянскими этимологіями и съ такимъ-же успѣхомъ, какъ и его предшественники, т. е. совершенно произвольно, по внѣшнему созвучію На мой взглядъ, такія искусственныя, натянутыя попытки во чтобы-то ни стало ославянить тѣ наименованія днѣпровскихъ пороговъ, которыя Константинъ Багрянородный называетъ—русскими—даже и въ интересахъ ученія о славянствѣ Варяговъ—совершенно ненужны: слова К—на Багр. вовсе не имѣютъ основнаго, рѣшающаго значенія въ вопросѣ о норманнствѣ

Руси: это просто на просто такое-же частное мнѣніе, какимъ является и мнѣніе канцеляриста Лудовика бл. о томъ, что Русы были Шведы. Мнѣ представляется дѣло такимъ образомъ: багрянородный этнографъ получилъ свѣдѣнія о двойныхъ наименованіяхъ пороговъ, одни шли отъ русскаго—Словѣнина, другіе—отъ Норманна; зная только Словѣнъ и Русь, онъ и помѣтилъ ихъ сими знакомыми именами. Выраженіе: русскій, по-русски являются здѣсь только въ отличіе отъ своего двойника: славянскій, по славянски; а потому и неимѣютъ никакой этнографической цѣны...

Сближеніе поздняго наименованія острова Хортица съ именемъ божества Хорса (364) слишкомъ смѣло, да и едва-ли можно признать, что имя Хорсъ было въ народномъ употребленіи... Любопытно мнѣніе автора о „полюдьѣ“: „сборы полюдья, говоритъ онъ, отличаются отъ даней и состоятъ преимущественно изъ даровъ. Въ началѣ 12 в. (1125 г.) оно прямо и называется осеннимъ полюдьемъ даровнымъ“. Такіе дары были въ употребленіи въ средніе вѣка (Grimu D. Rechtsalt. 245—6). Едва-ли однако слѣдуетъ согласиться съ авторомъ что „дары въ первоначальномъ значеніи должны означать любовный промѣнъ товаровъ и что полюдье составляло обычный способъ такого промѣна (с. 368)“. Оба предмета, какъ кажется, были по существу независимы другъ отъ друга; но соединялись въ исполненіи: князь съ дружиной отправлялся въ объѣздъ или обходъ, въ полюдье, а къ нимъ присоединялись торговцы-промышленники ради своихъ цѣлей. Быть можетъ торговлей занимались и самые дружинники... Обстоятельное изложеніе мерянской жизни и культуры по матерьяламъ курганныхъ раскопокъ (с. 383—394) вызываетъ сожалѣніе, что авторъ не предпринялъ того-же и относительно нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей: отведенная для нихъ страница (514—5) „Примѣчаній“ слишкомъ скудна.. Правда, для Мерянъ онъ имѣлъ превосходный и полновѣсный трудъ гр. А С. Уварова, для другихъ-же мѣстностей—только случайныя замѣтки и частныя раскопки; но все-же и здѣсь, какъ напр. для мѣстностей московской, тверской и вятской—кое-какія обобщительныя заключенія были возможны...

Указаніе иноземныхъ вліяній въ русской древней культурѣ,—очень замѣчательны, въ особенности указаніе на восточное происхожденіе русской длиннополой одежды... Впрочемъ, въ этой важной статьѣ „Исторіи русской жизни“ авторъ ограничился лишь случайными отры-

вочными замѣтками, а посему не вошелъ въ разсмотрѣніе очень многихъ предметовъ восточной и западной культуры, издавна усвоенныхъ Русью.. Для нихъ, какъ извѣстно, основной матерьялъ заключается въ языкѣ, т. е. въ лексиконѣ чужеземныхъ словъ...

Восьмая и заключительная глава второго тома говоритъ о водвореніи на Руси христіанства. Развитіе городовой жизни въ Кіевѣ и Новгородѣ, сношенія съ иными землями, отчасти особенная энергія христіанскаго и мухаммеданскаго прозелитизма той эпохи условили принятіе новой религіи. Авторъ даетъ вѣру лѣтописнымъ разсказамъ о посольствахъ отъ разныхъ народовъ съ предложеніями принятія вѣры и испытанію послѣдней посредствомъ особыхъ нарочитыхъ людей. Первое, впрочемъ, онъ разсматриваетъ, какъ преданіе, „въ которомъ историческая дѣйствительная правда заключается лишь въ томъ, что ко Владиміру приходили послы отъ народовъ, выхваляя каждый свою вѣру и указывали мудрому князю, что именно мудрому-то человѣку жить въ язычествѣ неслѣдуетъ". Равнымъ образомъ и въ порядкѣ избранія вѣры и въ ходѣ исторіи самаго крещенія авторъ точно слѣдуетъ лѣтописному повѣствованію. Въ изображеніи христіанскаго житія князя Владиміра авторъ дѣлаетъ замѣтку, которая, еслибы оправдалась—могла-бы имѣть важное значеніе въ исторіи русской народной поэзіи, именно, что „въ лѣтописныхъ чертахъ Владиміра-христіанина узнается Владиміръ народныхъ пѣсенъ, ласковый князь Владиміръ Красное-Солнышко" и „что первый лѣтописецъ, составляя повѣсть временныхъ лѣтъ, пользовался этими пѣснями, чтобы изобразить въ живомъ образѣ своего идеальнаго князя Владиміра"... Желательно-бы видѣть такое мнѣніе подтвержденное иными доказательствами, кромѣ указанія на праздничные пиры князя... Вся дальнѣйшая исторія Владиміра, Святополка и Ярослава состоитъ изъ пересказа лѣтописнаго повѣствованія съ объяснительнымъ толковымъ комментаріемъ. Въ заключеніе приводятся данныя о книжномъ ученіи и просвѣтительной вообще дѣятельности Ярослава и его сподвижниковъ и помѣщаются подробныя выдержки изъ древнихъ собраній поучительныхъ словъ съ цѣлью показать направленіе и содержаніе христіанской морали того времени. Краткое извѣстіе о Русской Правдѣ заканчиваетъ II томъ „Исторіи русской жизни"...

Въ общемъ, изложеніе автора не представляетъ повода къ замѣчаніямъ и разногласіямъ: оно живо передаетъ лѣтописный разсказъ и

толково объясняетъ его.... Но есть двѣ частности, на которыхъ критика неможетъ не остановиться, хотя—сказать откровенно, ей желательно было бы признать ихъ скорѣе корректурными недосмотрами, чѣмъ ошибками.... На стр. 454—5 авторъ поминаетъ знаменитаго воеводу „Якупа Слѣпаго,“ который—будто бы—„носилъ на глазахъ луду (lodix, повязку или покрывало), золотомъ истканную“ и потерялъ ее въ битвѣ при Лиственѣ.... Пріймемъ или мы, что Якупъ былъ слѣпъ, или представимъ его красавцемъ (—„бѣ Якупъ сь лѣпъ)—все равно, только не подлежитъ сомнѣнію, что луда, которую онъ носилъ, была вовсе не повязка на глазахъ; а верхняя одежда, плащь, шитый золотомъ, англосаксон. loda, скандинав. lodhi, lodha, др. нѣм. lodo=sagum chlamys.... Въ такой лудѣ, какъ говорится въ лѣтописи (s. 6582) и Патерикѣ, прохаживался въ печерской церкви „бѣсъ во образѣ Ляха, носяща въ приполѣ цвѣтки“....

Другое замѣчаніе наше касается частности болѣе важной, имѣющей и нѣкоторое принципіальное значеніе.

Приводя выдержки изъ сборника древнихъ поученій съ признаками русскаго или славянскаго происхожденія, авторъ останавливается на выраженіяхъ ихъ: „преплывше дни поста“...., „какъ пучину моря постное время прейдохомъ“...., „въ чистотѣ препроводимъ пучину постную“ и замѣчаетъ при этомъ: „Эта пучина моря можетъ служить указаніемъ, что проповѣдь имѣла въ виду людей, для которыхъ трудъ плаванья по морю составлялъ наиболѣе замѣтный и очень знакомый подвигъ жизни и потому служилъ лучшимъ объясненіемъ трудовъ великаго покаянія, именно для людей еще необуздавшихъ въ себѣ языческое невоздержаніе и не совсѣмъ понимавшихъ для чего оно нужно. Если мы припомнимъ разсказъ Константина Багрянороднаго о русскомъ плаваньи въ Царьградъ, то можемъ допустить, что поученія, поставлявшія въ примѣръ пучину моря, были говорены именно кіевской Руси (стр. 471).“ Такія любопытныя объясненія извлекаются авторомъ изъ одного выраженія: „пучина моря“.... Мнѣ кажутся они крайностью увлеченія автора въ пользу мореходства Русскихъ: слово „пучина“—ровно ни на что не указываетъ, это—обыкновеннѣйшій терминъ старославянскаго языка, какъ въ юго-славянскихъ, такъ и въ русскихъ памятникахъ, имъ почти всегда переводятся греческіе термины моря и пути, и нѣтъ рѣшительно никакихъ причинъ полагать, что слово „пучина“ въ поученіи указывала бы на что нибудь

специально русское, а не употреблялось въ обыкновенномъ своемъ стилистическомъ значеніи, обусловленномъ греческими образцами. Далѣе, авторъ останавливается на словахъ другой проповѣди, гдѣ мытарь и фарисей представляются въ образахъ двухъ конниковъ, состязавшихся на ристалищѣ. Конь мытаря—это конь добродѣтели, молитвы, поста и милостыни; конь фарисея—это конь гордости, величанія, осуженія.... Пок. А. В. Горскій, первый обратившій вниманіе на сіи памятники—сдѣлалъ къ этому мѣсту слѣдующее общее, не не совсѣмъ ясное замѣчаніе: „Такое сравненіе не чуждо характера того общества, среди котораго вправѣ мы представлять себѣ славянскаго проповѣдника, въ первыя времена христіанства у насъ [10])“.... Г. Забѣлинъ далъ сему совершенно особый и—сознаемся—мало для насъ ожиданный смыслъ. „Для русской кіевской паствы говоритъ онъ, эти два конника, какъ очевидный примѣръ, не могли быть достаточно понятны, ибо изображали обстоятельство коннаго ристалища, едва-ли существовавшаго въ въ древнемъ Кіевѣ. Но если мы припомнимъ четыре коня и двѣ статуи, взятые Владиміромъ въ Корсунѣ и поставленные за церковью Богородицы...., то можетъ допустить, что поученіе о мытарѣ и фарисеѣ, указывало прямо на эти памятники, въ полной мѣрѣ изъяснявшіе простому уму смыслъ поучительнаго примѣра (стр. 474—5).“ Мы же полагаемъ, что такое сравненіе ровно ни начто иное не указываетъ, какъ на свой византійскій образецъ, который дѣйствительно утверждался на почвѣ положительной, имѣлъ въ основаніи гипподромъ.... Да и непонятно, чѣмъ могли четыре мѣдныхъ коня, „изъяснять простому уму смыслъ поучительнаго примѣра“....

Конечно, эти мелочи могли-бы остаться намъ неотмѣчены, такъ какъ историческая истина отъ нихъ мало—что терпитъ убытка; но отмѣтить ихъ мы все же находили небезполезнымъ въ виду того, что въ нихъ замѣчается нѣкоторое отступленіе отъ принципіальныхъ пріемовъ правильнаго историческаго употребленія источниковъ....

Окончивъ критическія замѣчанія мои на первые два тома „Исторія русской жизни“ г. Забѣлина, считаю нужнымъ извлечь изъ нихъ об-

[10]) „О древнихъ словахъ на св. Четыредесятницу“ въ Прибавленіяхъ къ твор. св. отцовъ, ч. XVII, кн. I, стр. 37—8.

щее заключеніе о достоинствахъ и недостаткахъ сего труда....

Г. Забѣлинъ взялся за задачу трудную: онъ предположилъ изслѣдовать ту часть русской исторической науки, въ которой менѣе, чѣмъ въ прочихъ—еще возможны строгіе и точные выводы и заключенія, гдѣ на десятокъ темныхъ и нерѣшенныхъ вопросовъ приходится едва одинъ, удовлетворительно освященный. Трудности „предмета по существу" авторъ увеличилъ для себя еще и тѣмъ, что—за немногими исключеніями —почти вовсе оставилъ въ сторонѣ и не принялъ во вниманіе тѣхъ успѣховъ, какіе сдѣлала уже историко-лингвистическая и этнологическая наука нашего времени; а равно отчасти и тѣмъ, что отнесся къ предмету съ такой долей особаго увлеченія, какая не способствуетъ правильному спокойному изслѣдованію и нерѣдко переноситъ его на чуждую наукѣ почву....

Эти обстоятельства условили недостатки труда:

а) неровность изложенія, смѣшивающаго разсказъ, толкованіе, изслѣдованіе и обличительную полемику, вдающагося въ частыя отступленія, развивающаго однѣ стороны вопроса и нерѣдко оставляющаго въ тѣни другія, столь-же или еще болѣе важныя;

б) съ одной стороны—пренебреженіе къ законамъ науки языкознанія, выразившееся рядомъ несостоятельныхъ этимологическихъ толкованій, съ другой—полное довѣріе къ этимологіямъ, изъ которыхъ, безъ страха и сомнѣній, выводятся не только догадки, но и прямыя утвержденія настоящихъ историческихъ данныхъ;

в) предрасположеніе къ объясненію народности и быта племенъ, кочевавшихъ на Сѣверѣ и Западѣ отъ Чернаго моря—началами народности славянской, причемъ доказательствамъ противнаго не оказывается должнаго вниманія и разбора, доказательствамъ-же своей теоріи не сообщается должнаго развитія: она выражается догматически.

Всѣ сіи недостатки, какъ невольные, условленные современнымъ состояніемъ науки, такъ и вольные, зависѣвшіе отъ автора—блѣднѣютъ предъ многими существенными достоинствами труда.

Замѣчанія: а) о вліяніи природы русской страны на исторію, б) о происхожденіи, начаткахъ и характерѣ русскаго лѣтописанія, в) о возникновеніи и развитіи городовъ, ихъ устройствѣ, порядкахъ, дѣятель-

ности и о городовомъ бытѣ вообще, г) сводъ данныхъ о скиѳскихъ и мерянскихъ могилахъ и возстановленіе скиѳскаго и мерянскаго быта по открытымъ вещественнымъ памятникамъ, д) въ особенности-же превосходное, обстоятельное, во многихъ отношеніяхъ новое изложеніе промысловой торговой дѣятельности русской земли—суть истинныя пріобрѣтенья русской исторической науки въ трудѣ г. Забѣлина, пріобрѣтенья новыя, остроумно, толково и нерѣдко увлекательно изложенныя. Я не говорю о многихъ частныхъ замѣчаніяхъ, соображеніяхъ и догадкахъ, сметливыхъ, если не всегда убѣждающихъ, то всегда будящихъ мысль, вызывающихъ на новые поиски...!

Все это даетъ „Исторіи русской жизни“ г. Забѣлина право на весьма видное мѣсто въ русской исторической литературѣ, какъ произведенію важному во многихъ отношеніяхъ, своеобразному въ сужденіяхъ, и въ формѣ и въ пріемахъ изложенія...

Критикѣ остается заключить пожеланіемъ, чтобы почтенный авторъ незамедлилъ продолженіемъ своего предпріятія: онъ вступилъ теперь въ область жизни чисто исторической; а въ ней, какъ извѣстно каждому—его здравый, трезвый умъ и обширныя знанія умѣютъ находить такой просторъ для доброй дѣятельности на пользу отечественной науки...

А. Котляревскій.

Августъ 1878.
Декабрь 1880.

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій.
Печатано по опредѣленію Совѣта У-тета Св. Владиміра, 1881 г.
Въ универс. типографіи.

2007081035